

Пепел Просперо / Ashes of Prospero (роман)

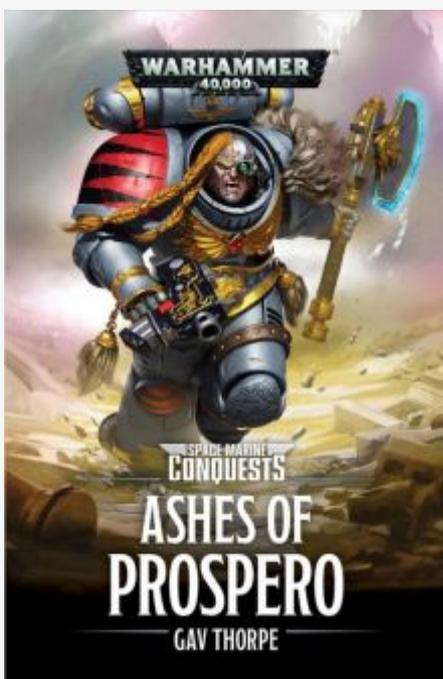
Этот перевод заброшен

Переводчик оставил этот перевод незавершённым.
Вопросы по переводу можно задать в [Telegram-](#)
канале [Warpfrog](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Пепел Просперо / Ashes of Prospero
(роман)

Автор	Гэв Торп / Gav Thorpe
Переводчик	Kerdan
Издательство	Black Library
Серия книг	Завоевания Космического Десанта / Space Marine Conquests
Год издания	2018
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI

Поддержать проект

Содержание

Аннотация

Пролог

Глава 1: Скорбь Фенриса

Глава 2: Легенды

Глава 3: Тяжёлая правда

Глава 4: Стая собирается

Глава 5: Зов Ловкача

Глава 6: Иноморье

Глава 7: Вторжение

Аннотация

Величественные залы Фенриса становятся все более тихими после трудных походов. Обеспокоенный уменьшением численности своего ордена, Великий Волк Логан Гримнар поручает Ньялу Стормкаллеру найти средство от их бедственного положения. Когда 10000-летний враг внедряется в сознание рунического жреца, он утверждает, что спасение, которое он ищет, лежит там, где все началось. На Просперо. Вместе с разнородной компанией раненых Космических Волков, Стормкаллер отправляется в путь. Но вскоре становится очевидным, что действуют более мощные механизмы. Теперь на карту поставлена судьба не только сынов Русса, но и всего Империиума.

Пролог

Фенрис выл, бессловесный и мучительный, дух мира терзался присутствием дьявольских захватчиков.

Боль пульсировала по нервам Ньяла Стормкаллера. Боль его родного мира превратилась в ноющую боль в груди, в знакомый ужас, в глухой стук в черепе. Тем не менее, он крепко держался за вирд, который рос через него, направляемый в его мысли братьями рунными жрецами; сила дразнила измученную психику мира, восставшего против бесчисленных демонов и предателей.

- Проклятье! - прорычал Эдир Разрушитель Жезлов, когда психическая сила ускользнула из его нематериальной хватки, оживленная и ставшая предательской благодаря заклинаниям Тысячи Сынов.

- Сражайся с ним, - сказал Ньял, не сводя глаз с гротескного призрака перед ними, вздымающегося над морем мутантов-полукровок и хихикающих безумцев.

Алый Король. Циклоп. Магнус Красный. Демон-примарх Тысячи Сынов.

Принц демонов проявился в виде высокого колдуна с лазурной кожей и крыльями из разноцветных огненных перьев. Энергия потрескивала вокруг рогов-короны, каждая искра молнии оставляла после

себя образ чистого кошмара при виде тех, кто смотрел на бессмертное существо. Облаченный в позолоченные доспехи, выкованные из мертвых звезд и разбитых снов, Магнус стоял на голой вершине, подняв руку к бушующим небесам, в то время как реки лавы кипели вокруг него, испепеляя фенрисийцев, цаангоров и культистов без разбора. Последователи Архитектора Судеб приветствовали своего господина, выкрикивая молитвы и благодарности Хозяину Случайности, который пощадил их.

Горстка боевых псайкеров Космических Волков, которые держались против безумной орды, выпустила поток ледяных взрывов и вращающихся огненных шаров. Вспышки чистой силы и острые как бритва осколки выпрыгивали из пальцев и посохов. Монстры, которые бросились через скалистые плиты Волчьей Глотки, раскололись об гнев рунных жрецов, как волна, раздвинутая острым мысом, атака прошла через их сердца.

- Вперед, - настаивал Ньял, вступая в ураган психической силы, исходивший от Алого Короля. - Этот плевел будет осушать нас до тех пор, пока не высохнет наш пот. Наша ярость должна пасть на Магнуса.

Но его искренняя мольба оказалась напрасной. Сверкающая полусфера варп-энергии, которая вращалась вокруг примарха Тысячи Сынов - психическая мощь, которая не обращала внимания на огневую мощь орбитальных звездолетов - не просто защищала Магнуса от нападения, она затуманивала вирдсенсоры тех, кто находился поблизости. Даже Ньял, самый высокопоставленный лорд вирдхалле, не мог найти отражение Циклопа в варпе. Хотя его душа горела подобно солнцу там, где простые смертные были короткими искорками, варп-присутствие Алого Короля было скрыто тысячью темных теней древних пактов.

Ньял беспомощно наблюдал, как примарх поднимается, распростерши крылья, декоративные и драматичные, его левитация была вызвана самым незначительным проявлением телекинетической воли. Одним жестоким взглядом Магнус смотрел вниз на мир, который вот-вот падет к его власти, и его алый взгляд, казалось, встретился с взглядом Стормкэллера.

- Сыны Русса никогда не забудут, - прорычал Ньял, хотя и не ожидал, что его клятва будет услышана. - Один из нас прикончит тебя, проклятый!

Смех полубога сотряс огненные пики. К удивлению Ньяла, в его голове возник спокойный, культурный голос, легко обходящий слои защиты вирда и защитную клетку его психического капюшона.

+Возможно. Но не ты.+

Эти слова прозвучали с выражением крайнего презрения; презрения, приберегаемого для самых раздражающих комаров, которые упорствуют, несмотря на энергичные удары. Ньял понял, что при всей своей силе - силе, которая помешала великому демону и принесла ему имя Заклинателя Бурь - он был никем в глазах Алого Короля.

И в этот момент, всего лишь на мгновение, он почувствовал отчаяние и страх за свой мир.

Глава 1: Скорбь Фенриса

Звон посоха по каменному полу эхом разнесся по тихим коридорам Клыка. Каждый удар звучал как осадный молот, наполняя пустоту резким шумом. Крепость-монастырь, построенная из горной скальной породы, в прошлом служила пристанищем десяткам тысяч Космических Волков. Теперь здесь жили

сравнительно немногие. Пиршественные залы, которые звенели громовыми голосами, возвышавшимся в честь победы, и редкие тихие стенания о поражении, поглощали этот шум своей необъятностью. Сотни знамен свисали с высоких стропил, а фризы украшали стены, заглушая звук металла о камень. Траншеи и столы, каждый длиной в сотню метров, ждали банкетов, которые никогда не вернуться. Скамьи и высокие стулья Волчьих Лордов, отполированные десятью тысячелетиями пребывания здесь величайших героев Империиума, теперь не использовались.

Прибытие прошло мимо пустых комнат общежития, где Сыновья Русса отдыхали, готовясь к битве в течение десяти тысяч лет. Единственным свидетельством их прежнего занятия были нацарапанные руны на столбах коек и голых стенах: хвастовство прошлыми и будущими достижениями; незаконченные строки саг; шутки, как тонкие, так и грубые, о врагах и хозяевах; посвящения Всеотцу, Богу-Императору человечества, Русу и Великим Волкам, которые пришли ему на смену. Все они были вырезаны угловатыми фенрисийскими рунами, отмечающими каждую камеру, как хищник отмечает свою территорию.

Не только внутри было почти пусто. Его мысленный взор поднялся к невидимым пустынным крепостным валам, где ледяные вихри с воем проносились по голому камню, разъедая оборонительные сооружения, которые не были разрушены с тех пор, как они были заложены на заре Империиума человека. Орудийные башни рычали и жужжали, подчиняясь нервным импульсам полуразумных сервиторов, поработанных своими пушками, бездумных душегубов, не обращающих внимания на опустошение вокруг. Километровые стены оставляли шрамы на высоких склонах внешней оболочки Клыка, прорезая темные линии на покрытых снегом склонах полой горы.

Грохот посоха сопровождался топотом ног в мягких сапогах, чей шаг был на удивление легкий, учитывая размеры человека, который их носил. Он был широкоплеч, как и все космодесантники, и на полторы головы выше любого нормального человека. Его икры были туго стянуты ремнями вокруг леггинсов из дубленой кожи. Его меховое пальто и лохматая рыжеватая борода, свисавшая с подбородка и щек, покрылись паром, ледяной иней медленно таял, пока он шел по процессиям и галереям, оставляя за собой дорожку капель и мокрых следов.

Лицо у него было квадратное, нос большой, ноздри раздуты, как у быка, а глаза цвета сланца с зелеными крапинками смотрели прямо перед собой из-под густых бровей, озабоченно сведенных вместе. Кончики его верхних резцов торчали из нижней губы, а длина клыков свидетельствовала о его преклонных годах.

Посох был черным, с вырезанными на нем рунами, которые светились, как огонь в кузнице. Его навершие было отполированным черепом снежного волка, личным тотемом. На плече сидела птица с черными перьями. Один глаз блестел аугметикой, а из его плоти торчали провода, свидетельствуя об измененной природе существа. Найтвинг - псайкерский фамильяр рунного жреца, оракул и продолжение его чувств и мыслей. Свет сверкал в его нормальном глазу, отражаясь от блестящей эбеновой поверхности, как падающие звезды на черном небе.

Его одинокий путь привел его к большим дверям королевского зала. Они были зарешечены - огромные барьеры из высокой рябины были связаны позолоченной пласталью, укрепленной заклепками, каждая из которых была размером со сжатый кулак человека. Серебряные руны были вбиты в дерево с простым вызовом: «Друзья приветствуются всегда. Враги проклинаются вечность».

Два стражника стояли у богато украшенных железных ручек - пары широких колец, каждое из которых было сделано по образу мирового змея, заглатывающего свой хвост. Стражи дверей были облачены в чудовищно громоздкую броню тактического дредноута - два воина из собственной гвардии Великого

Волка. Доспехи были окрашены в сине-серый цвет ордена, отмеченный значками их великой роты, отделения и личных украшений. Каждый носил по несколько талисманов и волчьих хвостов; некоторые были подписями их прошлых деяний, другие - наградами и трофеями их побед.

Они были ветеранами, прославленными среди ордена, и вернувшийся рунный жрец хорошо их знал. Справа - Алрик Думсикер, его парные когти подняты, но не активны, выражение лица скрыто под шлемом. С другой стороны стоял Свен Хафхельм, Громовой Молот был поднят, чтобы преградить дальнейший проход, крестообразный штормовой щит держался поперек его тела. Он не носил шлема, и старый шрам, пересекавший его правый глаз от щеки до лба, казался бледным на фоне загорелой кожи.

- Я прошу аудиенции у Великого Волка, - сказал гость. Его голос был тихим, но властным, произнесенным с уверенной властью.

- Тогда произнеси слова союзника, и ты пройдешь, - ответил Алрик.

- Этт-скальд, - он прошептал код, переводя взгляд с одного стража на другого. - Такое знание можно легко вырвать из разума другого человека. Логану нужна лучшая защита, если он думает, что простой пароль может помешать врагу проникнуть в его внутренние залы.

- Этот вопрос мы уже поднимали с Великим Волком, это точно, - сказал Свен, вынимая свой молот со свистом бронированных сервоприводов. - Но кто, кроме рунных жрецов, сможет снова защититься от демонов? Мы скучали по тебе, Повелитель Рун. Я надеюсь, что твоё путешествие во льдах было плодотворным.

Алрик повернулся и сделал знак группе линз, которые смотрели вниз с перемычки над воротами. Сторожевые устройства щелкнули и зажужжали, когда сервитор, связанный внутри шлюза, получил доступ к своим протоколам и изучил вновь прибывшего для собственного разъяснения. Прошло несколько секунд, прежде чем тяжелый лязг поворачивающихся замков возвестил о том, что все было найдено в полном порядке.

Двери со скрежетом шестеренок распахнулись внутрь, открывая Королевский Холл во всем его великолепии. Посетитель наблюдал, как Алрик вошел внутрь и объявил о прибытии гостя через усилитель своей боевой пластины.

- Лорд Клыка вернулся, Великий Волк. Бродячая Буря. Ньял Стормкаллер!

На склонах фьорда бушевала метель, снежные вихри были почти горизонтальными, когда шторм гнал их в долину. Не обращая внимания на шторм, Арджак, известный своим братьям как Рокфист, пробирался сквозь сугробы. Его и без того внушительное телосложение было выращено в сверхчеловеческом теле космодесантника генным семенем *Canis Helix*. Облаченный в тактическую броню Дредноута - громоздкую боевую броню, предназначенную для защиты от плазменных взрывов и ледяной пустоты космоса, он даже не замечал движущихся льдов и ветра, которые могли бы уничтожить самого сильного из обычных людей.

Он шел по почти невидимому следу вниз к северной береговой линии, петляя между заснеженными валунами, пробираясь мимо ледяных расселин, которые могли поглотить боевые танки. Люмпеновские силуэты портили снег с обеих сторон. То тут, то там бледное покрывало нарушалось чьим-то лицом или протянутой рукой. Он прошел мимо них мертвым, застыв там, где они упали. Некоторые из них были убиты воздействием стихии, когда они ползли домой, но большинство было убито насильем. Их кишки

были распороты, а артерии выплеснули последние остатки их жизни в безжалостный снег.

Над фьордом поднимались порывистые клубы дыма, и Арджак увидел обуглившиеся бревна, торчащие из льда, который удерживал воду: остатки пиршественных кораблей, несколько дюжин из них. Те, что все еще источали смог, не могли быть зажжены задолго до того, как разразилась буря, их пламя было потушено метелью. Он видел их недалеко от смутной границы между сушей и водой, держащихся на гигантских санях, потому что ни один киль не мог пробить лед. Тела были сложены на палубах, как дрова: молодые и старые, мужчины и женщины.

Большое поселение длинных домов сгрудилось вдоль берега реки в самом начале фьорда, но в гавани их ждали лишь несколько десятков закутанных в меха фигур - последние обитатели Эльсинхольма.

К тому времени, как Арджак спустился в город, снегопад уже немного утих. Он прошел мимо пустых длинных стен, их крыши были сделаны из кожи кракена, их стены были покрыты застывшей мазней и камнями между костями гигантских зверей глубин. Следы охоты на кракенов были повсюду, начиная от брошенных в воду щук, замерзших на стоянках у причалов, и кончая огромной волокушей, ведущей в центр города, где собирали чудовищный улов и делили его между горожанами.

Крик возвестил о том, что один из скорбящих на ледяном берегу заметил его, и через несколько секунд люди из гавани поднялись по замерзшей грязи улицы, вознося благодарственные молитвы богам и небесным воинам.

Возвращение Арджака произвело впечатление. Толпа замедлилась, их энтузиазм внезапно угас, большинство остановилось на некотором расстоянии, в то время как горстка осмелилась подойти ближе. Люди выглядели изможденными - большинство из них были уже в преклонном возрасте, хотя было и несколько молодых мужчин и женщин. Их лица были измучены холодом и голодом. Они смотрели на терминатора Космических Волков со смесью надежды и отчаяния.

Один из них, очевидно, городской старейшина, которого, как сказал Великий Волк, звали Рангвальдр, отделился от группы и приблизился, делая знак приветствия трехпалой рукой. Макушка головы эттьярла едва доставала до символа волка на пластроне Арджака, но он поднял подбородок, чтобы встретиться взглядом с гигантским воином. В его взгляде не было недостатка духа.

- Благословение Сынам Волчьего Короля. Наше послание было услышано, - сказал вождь.

- Великий Волк слышит и видит все, что происходит в его владениях, - Арджак кивнул головой в сторону погребальных лодок, а затем снова посмотрел на путь трупов над городом. - Как много?

- Триста четыре, - печально ответил Рангвальдр. - Из-за вторжения. Мы даже не нашли их всех до этого последнего бедствия, которое унесло еще сорок два человека.

- В твоём послании говорилось, что зверь с гор спускается, чтобы напасть на твой народ.

- Да, змей изо льда и ярости. Оно приходит к нам ночью. У нас и так мало людей, способных сражаться, а когда наступит оттепель, никто не сможет управлять кораблем. Свет - это его единственный страх, но долгие ночи приближаются. Если этот зверь заберет еще кого-нибудь из нас...

- А где остальные?! - крикнула из толпы пожилая женщина. Ее тощие пальцы вцепились в рваную шаль, брошенную на голову и плечи.

- Почему ты не едешь на металлической небесной колеснице? - спросила другая, возможно дочь, судя

по их сходным чертам лица. Из-под подбитого мехом капюшона выбивались каштановые кудри, а на загорелой щеке виднелся свежий порез.

- Тише, Магнхильд, - сказал Рангвальдр, свирепо глядя на пожилую женщину. Он обратил свое раздражение на младшую. - Оставь свои вопросы, Тира.

- Нет, - ответила дочь. Она зашагала по улице, но ее взгляд не упал на Арджака. Когда она обратилась к нему, ее глаза, казалось, были прикованы к значку медвежьего когтя на его левом поноже. - Воин, мы благодарны тебе за то, что ты пришел, но нам нужна защита. Когда же Великий Волк пришлет остальных?

- Других нет, - сказал Арджак. Горожане встретили это заявление глубокими хмурыми взглядами и резкими вдохами, но не высказали ни одной жалобы вслух. - Сыны Русса жестоко осаждены, и слуги Всеотца зовут нас через небесный мост.

- Мы отдали наших сыновей и дочерей на войну против вирджинов и фельхирдов, и зверь этой битвы до сих пор преследует нас, - сказала Магнхильд. - Все, о чем мы просили, это чтобы Великий Волк послал нам воинов, чтобы они охраняли нас от этой длинной тени войны.

- Это Фозхаммер, - сказал Арджак, показывая свой огромный громовой молот. Потрескивающая сила поглотила голову, когда его большой палец коснулся кнопки активации. - Его легчайшее прикосновение разрушает крепости, - он поднял свой столь же массивный штормовой щит. Его эфес, выполненный в виде крестообразного терминатора с черепом в центре, мерцал голубым блеском. - Это щит-наковальня. Он отгоняет взрывы, которые могут расколоть горы.

Он сделал шаг вперед, возвышаясь над Тирой.

- Посмотри на меня, дитя, - тихо сказал он.

Его уверенность была подобна раскаленному очагу, от которого таял ледяной холод. Робость Тире испарилась, как лед в его бороде. Она нерешительно подняла голову, ее глаза были поразительно зелеными, как яркие изумруды на загорелом лице. Арджак улыбнулся, его удлиненные резцы вдавились в нижнюю губу.

- Значит, вам нужно убить зверя, - сказал он, переключая свое внимание на остальных. - И значит для этого меня послал Великий Волк.

В Империи было много героев, живых и мертвых. Некоторые из них были достойны такого звания, а некоторые были созданы для этого позже. Любой гистиограф, священник, имперский военачальник или простой гражданин, встречавшийся с Логаном Гримнаром, не сомневался, что перед ними настоящий герой Империи. Великий Волк излучал спокойную уверенность и силу. Его движения были полны энергии и целеустремленности. В его взгляде всегда была доля уважения, а на лице - ум и созерцание, в то время как те, кто видел его в бою, видели свирепого воина, жестокого и непоколебимого в своей жестокости.

Войдя внутрь, Ньял увидел, что Логан облачен в терминаторскую броню, перевязанную рунами-торками и волчьими тотемами. На спине у него висели голова и шкура павшего Когтя - волчи жрецы часто пели историю о том, как Великий Волк выследил и убил огромного громовержца, чтобы стать одним из самых прославленных наследников волчьего короля. В нескольких шагах позади раб в толстой куртке и серых

леггинсах держал шлем Магистра Ордена, рассеянно поглаживая почитаемый артефакт, как будто это было живое существо, успокаивающее его дух. Лицо Логана было маской изучающего интереса к своим спутникам, обрамленное волосами, которые становились все более седыми, чем черными.

Еще один слуга держал под рукой топор Моркай, символ победы Логана над тьмой в мире Армагеддона. Для неискушенного наблюдателя это оружие выглядело как двуглавый топор с серебристо-красными лезвиями, прикрепленный к рукояти ремнями, сделанными по подобию моркайского волка смерти.

Для зрячего взгляда Ньяла рунические обереги, наложенные на оружие, сияли, как огонь в жаровне. Кровожадность топора корчилась и извивалась внутри клинка, сдерживаемая с помощью помазания водой, взятой из полярных ледников Фенриса и рунного ремесла заклинателя бурь, так что теперь он служил воинам Всеотца, как когда-то убивал его слуг.

Ньял увидел спутника многих десятилетий – столп, на который Космические Волки опирались все эти последние столетия. Он не нуждался в магическом зрении, чтобы увидеть тяжесть на плечах своего феал-лорда, несмотря на попытки Логана казаться не обремененным горем и бедствиями последних лет. Он стоял рядом с тронном зала, прямой и непреклонный, как сам Клык, и разговаривал с небольшой группой космодесантников и неаугментированных людей. Те, с кем он беседовал, не знали ничего плохого, но для Ньяла дополнительная глубина случайного хмурого взгляда, малейшее промедление в жестях и ответах, а также едва заметная гримаса за ответами Логана – все это свидетельствовало о том, какую цену ему пришлось заплатить.

Роль Великого Волка была нелегкой задачей даже для самого сильного и отважного сына Фенриса. Быть таковым, когда Магнус Красный принес злобную войну в родной мир, было испытанием, которое мало кто выдержит. Занимать такое положение, когда нашествия темных сил открыли Великий разлом и легион Разорителя свободно разгуливал, означало возглавить время опасности, невиданное со времен Катаклизма Ночной Зимы, когда Хорус восстал против Всеотца. Империиум был на грани запустения, как и сам Фенрис. Его боевые силы были растянуты до предела. Его союзы, тысячелетние пакты и декреты были нарушены происками демонов и предателей.

Да, у Логана действительно были причины для усталости, но он был бы последним, кто допустил бы такую опустошенность.

Когда Ньял вошел, Великий Волк даже не оглянулся, все его внимание было приковано к окружающим. Двух космодесантников Ньял хорошо знал, поскольку они были Космическими Волками из личной волчьей гвардии Логана.

Был и третий, облаченный в первичную синюю броню и значки ордена Ультрамаринов. Чужак – или утландер, как сказали бы Фенрисиисы, был великаном среди великанов. Логан Гримнар в полном боевом облачении не был жалким зрелищем, но сын Макрагга, стоявший рядом с ним, был еще больше по размеру.

Его звали лейтенант Арландус Касталлор, и он принадлежал к новой породе воинов-космодесантников примарис. Он был облачен в богато украшенные боевые доспехи, соответствующие его росту; как и его модифицированное генное семя, это было чудо десяти тысяч лет скрытного развития. Касталлор был отправлен через бурные волны варпа не кем иным, как самим Робаутом Жиллиманом, примархом, вернувшимся из пасти смерти. Именно приезд Касталлора с известием о возвращении Жиллимана побудил Ньяла отправиться в ледяное царство в поисках руководства к его видениям.

И все же, несмотря на весь свой огромный рост и офицерский чин, Касталлору недоставало присутствия

Великого Волка. Огромные размеры не могли заменить многовекового опыта, а боевое снаряжение не могло сравниться с харизмой и авторитетом. Лейтенант Ультрамаринов уступал Гримнару в выражении лица и позе, и хотя он считался ветераном среди воинов нормальной продолжительности жизни, в его лице было что-то наивное и неуместное.

Логан приветствовал эмиссара, как и любого другого, поскольку у него было несколько стай братьев-примарис, которые были отправлены с Касталлором, чтобы поддержать численность Космических Волков.

В этих новых войнах было что-то такое, что не давало покоя Ньялу и другим старшим воинам ордена. Новобранцы были еще на шаг отстранены от тех, кого они защищали, и Гримнар в уединении высказал свое опасение, что Космическим Волкам снова придется поддерживать порядок в орденах своих братьев.

Людей Ньял не знал. Они прибыли сюда уже после того, как он покинул Клык. По их мундирам и мантиям он мог заключить, что это высокопоставленный офицер Астра Милитарум, десятник Департамента Муниторум и Астропат, прикрепленный к имперскому флоту.

- ...орки искали возможность захватить три звездные системы, пока нас осаждают в Гаталаморе, - объяснил командир имперской гвардии.

- Орки - оппортунисты, - ответил Великий Волк. - За их завоеваниями нет никакого плана, только жажда битвы. Космические Волки не могут задушить каждую угрозу ксеносов, которая поднимает свою уродливую голову. В конце концов, справедливость восторжествует. Одна война за раз. Гаталмор должен быть проведен в первую очередь.

- Мир-кузница находится под угрозой, - добавил чиновник Департаменту Муниторум, теребя инфопланшет. - Жизненно важные военные припасы...

- Я уверен, что у Адептус Механикус есть один или два легиона титанов, которые могут справиться с зеленокожими, - терпеливо сказал Логан.

Ньял почти не обращал на них внимания. Ему не нужно было знать подробности их разговора. Он мог сказать по небольшим выражениям сожаления на лице Логана, что они продолжали просить его о помощи того или иного рода; помощь Космические Волки были не в состоянии предоставить, учитывая, что они уже были далеко за пределами своих обычных обязанностей и кампаний.

Наблюдая за Логаном, рунный жрец также изучал его окружение через увеличенный взгляд Найтвинга. Сидевший на его плече псайбер-ворон вертелся туда-сюда, оглядывая необъятный Королевский Холл. Это было не самое большое помещение внутри Клыка, меньшее, чем зал Великого Волка, где мог собраться весь Орден с большим количеством свободного места, и карликовое по сравнению с некоторыми километровыми подземными артиллерийскими полигонами, используемыми Длинными Клыками для проведения противотанковых боевых учений. И все же это было впечатляющее помещение, построенное по традиции по образцу лонгхолла, где вырос сам Русс, но в гораздо большем масштабе.

Он был длиннее, чем шире, почти пятьсот на двести метров, а крыша в тридцати метрах над его головой поддерживалась тремя дюжинами колонн, выполненных в виде огромных железных дубов, которые очень ценились фенрисиjsкими плотниками. Резные вороны и ледяные совы смотрели вниз с ветвей, а винтерфуры цеплялись за тяжелые ребристые стволы и выглядывали из узловатых отверстий. Сами деревья имели подобие лиц, изображенных как гиганты игдры из фенрисиjsкой легенды. Они смотрели на происходящее внизу со смешанным выражением лиц: доброжелательным, озорным и враждебным.

Между раскинутыми их точеными навесами блестела крыша, отлитая из камня с эффектом переплетенной соломы, каждая тщательно обработанная соломинка была покрыта золотым листом. Даже здесь обитали скульптурные существа, как реальные, так и мифические: ушастые кошки рыскали по соломенной крыше вслед за мышами и крысами, пока эльфид плел нити в защитных вирдлейфах и рунах гостеприимства.

Пол был сделан из литого феррокрита, но по форме напоминал тысячи неправильных каменных плит, а пространство между колоннами было нарушено тремя огромными огненными ямами. Ямы были погружены в спячку, свет давали сотни люменов, свисающих с ветвей фальшивых деревьев, маскирующихся под штормовые фонари, используемые на носу фенрисийских волчьих кораблей.

Группы скамеек и стульев были расставлены стратегически по всему залу, создавая иллюзию уединенных уголков для тихого разговора, несмотря на общий размер комнаты. Это было место для дискуссий и предположений, сотрудничества и обмена опытом, а не театр величия и командования, который был залом Великого Волка.

Зал был построен так, что, несмотря на свою величину, он оставлял ощущение скромных средств, тщательной искусственности архитектора и ремесленников, направленных на создание иллюзии первобытного мира и его примитивных обитателей, но выполненных со всей хитростью и технологией огромного Империиума. Это было, как и для многих Космических Волков, видимостью варварства и невежества, которая служила для маскировки гораздо более изощренного мышления, чем большинство посторонних могли бы себе представить. Очаровательное обаяние, подобное тому, что наложили вирдмидоны в легенде, чтобы заманить моряков на их гибель, скрывая смертоносные скалы под видом мягко обмелевшей береговой линии.

Не было ничего удивительного в том, что Логан решил встретиться со своими просителями здесь, вдали от подавляющей скудости зала Великого Волка, где не было видно ни военных, ни Империиума. Он скрывал мощь Космических Волков, умеряя страхи и ожидания его посетителей.

Стормкаллер остановился неподалеку и терпеливо ждал, когда Логан закончит свою дискуссию. Великий Волк сделал это, давая понять, что разговор будет продолжен позже, и с ободряющими словами и выражением лица отослал остальных прочь в сопровождении Алрика и Свена. Когда последний из них вышел из королевского зала, Логан наконец повернулся к Ньялу.

- Ты выглядишь замерзшим, - сказал Великий Волк.

Ньял улыбнулся этой шутке, его беспокойство о здоровье и душевном состоянии Логана было отброшено в один простой момент шутки. Какое бы горе ни таил в своем сердце Великий Волк, его ум и тело оставались такими же активными и острыми, как всегда.

Выражение лица Логана стало серьезным:

- Твои поиски видения увенчались успехом? Ты нашёл то, что искал?

- Я нашел очень много вещей, но ничего из них не искал, - ответил Ньял. - В этом году мороз был поздний, и ледяные медведи прятались в своих пещерах. Кракены опустились до самых черных глубин, а клыки падали только в самых высоких лесах. Тролли бродят стаями, в невиданных ранее количествах. Их раздражающая какофония звенит в долинах, где когда-то эхом отдавался шум честного труда и жизни. Зараза Магнуса и его последователей все еще пятнает снег, и, возможно, мы не увидим ее очищенной при нашей жизни.

- Мы уже знали об этом, - сказал Логан. - Ты отправился на поиски руководства от Всеотца, чтобы найти ответы в духе Фенриса. Я многое узнал от нашего посла из Макрагга относительно порядка в этой разрушенной галактике и планов примарха.

- Он хотел, чтобы вы дали клятву? - резко спросил Ньял. - Неужели лорд Жиллиман желает нашей верности?

- Он был достаточно умен, чтобы не спрашивать, - сказал Логан. - Хотя я не сомневаюсь, что примарх считает себя нашим командиром. Утверждалось, что он сам предстал перед Всеотцом и был благословлен аудиенцией.

- Предзнаменования не изменились, - Ньял произнес эти слова спокойно. - Буря разразилась повсюду. Это все, что ты уже знаешь. Возвращение Тринадцатого, гнев Магнуса, Великий Разлом... все это было частью одного замысла. Кровавая луна, покрасневшая пасть. Война, Логан. Война, подобной которой Империи не видел уже тысячелетия. Война, которая может никогда не закончиться, - таково желание Темных Сил.

- Но что же еще? - потребовал Логан, подходя ближе, и его настойчивость накатила на него волнами жара. - Око открыто. А как же Король Волков?

Ньял не сразу ответил, испуганный тем, что увидел в глазах своего феал-лорда отчаяние. Брови Великого Волка нахмурились от его молчания, извлекая смысл из бессловесного ответа.

- Никаких следов?

- Никаких, милорд. Есть волнения, бури, сквозь которые даже я не могу смотреть. И все же я видел спящего, погребенного в скале, и белую бурю, которая ехала на колеснице из молний. Тень поднимается на зов посланцев Всеотца, тьма, которая бьет изнутри. Темные обращают свои божественные взоры на наши миры: Пожиратель Миров, Король-Труп и Незаконнорожденное Дитя снова движутся. Циклопический Дьявол, которого мы уже видели. Даже Золотой Древний снова оторвал свой взгляд от эмпиреев. Я чувствовал его сияние, как огонь в моей душе. Но ничего, относящегося к сыновьям Фенриса. Хотя Тринадцатый вернулся и Око открылось, я ничего не видел о возвращении Лемана Русса.

Логан, казалось, обмяк, если такое вообще возможно в доспехах терминатора. Он перевел взгляд на каменный пол и тяжело вздохнул.

- Мы должны быть благодарны тебе, Логан, - продолжал Ньял. - Наш отец-король поклялся вернуться к Времени Волка, когда наступит конец света. Он придет на последнюю битву, так было сказано. То, что он не вернулся, означает, что еще есть надежда. Стройная, но все же надежда. Если мы услышим вой Волчьего Короля прежде, чем умрем, то это будет плач Всеотца и всех, кто последует за ним.

- Пожалуй, ты прав, - сказал Логан. - Возможно, это было просто тщеславие - надеяться, что там, откуда ты вернулся... это не имеет никакого значения. Он еще не пришел, но мы все еще здесь, и это главное.

- Похоже, что большинство из них не здесь... - Ньял многозначительно оглядел зал, хотя было ясно, что его замечания касаются всего Клыка. - Эти залы редко бывают заполнены, и сейчас здесь бродят только призраки.

- Здесь почти не осталось воинов, - ответил Логан. - Некоторые оправляются от ран, Кровавые Когти на начальной тренировке, почтенные бойцы дремлют. Несколько отрядов из Великих Компаний не вернулись с тех пор, как их Волчьи Лорды ушли. Не проходит и одного длинного дня, чтобы астропаты

не получали новых просьб о помощи.

- Вербовка?

- Продолжается. Но мы не можем тащить кровь со скал. Десятки племен были потеряны из-за злобы Магнуса, а чистки великого магистра Аурикона еще больше сократили их численность. Нет никакой пользы ни брать тех, кто не пройдет испытания, ни снижать наши стандарты. Мы восстанавливаемся, но это медленный процесс, Ньял.

- Что из новичков?

- Космодесантники-примарисы? - Logan поджал губы, искренне обдумывая этот вопрос. - Образцовы. Они сражаются так, как ты и представить не можешь. У нас есть кампании, которые закончились бы плохо, если бы не их присутствие.

- Но...

- Кто может сказать, что Коул сделал с генным семенем *canis helix*? - Grimnar понизил голос до заговорщического шепота. - Проклятие вульфена все еще существует, но разве пехотинцы-примарисы сильнее или слабее его?

Стормкаллер кивнул.

- В то время, когда нас одолевают раздоры, почему Великий Волк остается прикованным к трону?

- Это ненадолго, - мрачно ответил Logan. - Ты видел моих новых гостей. Адъютант-полковник Мастрошка и ее спутники направляются в сектор Газаи. Орки. Как будто адских сил и их последователей было недостаточно для трагедии. Зеленокожие чувствуют себя вправе выступить против царств Всеотца.'

- И ты ответишь на зов?

- Пока мы разговариваем, мои отсутствующие Ночные Волки возвращаются с победоносного сражения на Геенне. Через несколько дней я сяду на корабль, чтобы встретиться на границе системы.

- Даже нет времени, чтобы взять припасы и провизию?

- Нет. Я возьму с собой все, что смогу. Арсенал работает на полную мощность, но все равно почти пуст. Если наши враги думают обескровить нас, то они очень хитры.

Ньял воспринял это без комментариев, а Logan выжидающе уставился на него. Потребовалось несколько секунд, чтобы Стормкаллер понял, о чем его повелитель не просил. Не из-за отсутствия авторитета, а из уважения к собственному статусу лидера Ньяла.

- Конечно, я буду сражаться на стороне Великого Волка, - сказал рунный жрец.

Logan кивнул, довольный этим, и морщинки на его лбу слегка смягчились.

- Есть и другие, кто хотел бы поговорить со мной, Ньял, - сказал он, глядя мимо. Стормкаллер слегка повернул голову и увидел толпу мужчин и женщин в традиционных одеждах фенрисиийских племен, чьи глаза блуждали по окрестностям со страхом и благоговением. Их взгляды были прикованы к двум владыкам Клыка, пальцы просителей нервно сжимали амулеты и фетиши. Ньял чувствовал надежду, которая исходила от них; надежду, которая могла исходить только от тех, кто был пойман в тиски глубочайшей нужды. Ему не нравился ее запах. Это было приторное присутствие в его мыслях, такое

незнакомое на Фенрисе.

Старейшины племени отпрянули назад, дрожа и бормоча что-то. Ньял понял, что обнажил свои клыки, но не перед фенрисианцами, а перед тем ужасом, который оклеветал их. Он постарался придать своему лицу выражение, которое, как он надеялся, было немного более обнадеживающим. Они не казались убежденными, и он отвернулся, заслоняя их от своих неестественных черт.

- Я оставлю любезности тебе, Логан. Держите их сильными. Их народ, их сердце и неизменное мужество — это наше будущее. Если они потеряют веру в нашу цель...

- Это я знаю, - глаза Логана выдавали его беспокойство, хотя он сохранял нейтральное выражение лица. Он, вероятно, даже не осознавал, что делает это, будучи прирожденным посланником в той же степени, что и военачальником.

Великий Волк положил руку на плечо Ньяла. Это был жест солидарности, предлагающий силу и притягивающий ее. Связь между Космическим Волком и Космическим Волком, братом и братом, фенрисианцем и фенрисианцем была глубже, чем любая клятва Империи. Только их долг перед Всеотцом перевешивал преданность друг другу.

Сумерки быстро приближались, и вместе с ними угасал свет, который, как утверждали эльсинхольмцы, был единственной защитой от ледяного змея. Решив избавиться от этой твари или погибнуть в этой попытке, горожане взяли за оружие и сопровождали Арджак в его походе на вершины над фьордом, следуя по следу сломанных деревьев и странно закрученных сугробов, которые, по словам тир, должны были привести к логову змея.

- Кто-нибудь видел этого зверя? - спросил Арджак, когда они обогнули горный хребет, возвышающийся над вершиной фьорда. В нескольких метрах впереди Тира указала своим копьем с листовым наконечником на восток, в сторону неприступного утеса.

- Он приходит в тумане, - сказала Торда, ее дыхание было имитацией этого подвига. - Говорю тебе, небесный воин, в его жилах течет лед.

- Я слышал скрип его кожи, - сказал другой местный житель. Он быстро отвернулся, пристыженный. - Его дыхание шепотом отдавалось от стен, и стекла замерзали, когда он проходил мимо. Я не осмеливался выйти на улицу, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Группа несла разнообразное оружие, некоторые предназначались для войны, другие были импровизированы из орудий охоты на кракенов. Несмотря на кажущуюся хрупкость, Магнхильд держала в руках длинную пику, изогнутая головка которой ловила последние лучи солнца над дальними горами. Другие взяли с собой из гавани зазубренные гарпуны. Те, кто уже не был так уверен в своей силе конечностей и чей прагматизм превозмогал гордыню лепили павизы из обломков своих кораблей. Что эти деревянные щиты должны были делать против предполагаемого ледяного дыхания Змея, Арджак не знал, но это придавало отряду уверенности, что он возьмет их с собой.

- Значит, нет, - сказал Рокфист. - Никто из вас не видел этого существа.

- Вот почему мы все еще живы, - пробормотал Рангвальдр.

Арджак не мог не согласиться.

Следуя указаниям Тиры, они пересекли плоское ледниковое поле, склон которого находился примерно в полукилометре от них, прорезанный широкими темными трещинами. Из большой расщелины в центре отвесной ледяной стены сочился пар. Он висел низко над землей и был не выше пояса космодесантнику.

Пока они подбирались поближе, эльсинхольмцы довольствовались тем, что он взял на себя инициативу. Арджак гадал, с каким врагом ему предстоит столкнуться. Вторжение Магнуса и его Тысячи Сыновей принесло на Фенрис врагов смертных и бессмертных, хотя уход предателя-примарха, насколько мог судить Великий волк, унес с собой такие угрозы. Что не было сразу очевидно, так это ущерб, нанесенный самой структуре Фенриса и конкурирующим силам, которые контролировали его уникальную экосистему.

Потери среди людей племени означали, что в сезон оттепели охотники не убивали даже близко к их обычному количеству троллей, ледяных медведей и других свирепых хищников. В свою очередь, паразиты и низшие существа бежали со своих территорий, наводняя продовольственные склады, забирая то небольшое, что уцелело после опустошения. Самые гигантские монстры - драконы и кракены, фир-энты и левиафаны - бесновались по своей воле, забирая почти столько же людей, сколько война и жестокие чистки Серых Рыцарей. Целые общины были потеряны, и Великий Волк пришел в отчаяние, даже когда он посылал все больше и больше своих воинов за пределы планеты, чтобы бороться с растущими угрозами через звезды.

То, что посланец Эльсинхольма уцелел во время путешествия к Клыку, было настоящим чудом, и Великий Волк не хотел игнорировать эту просьбу. В то время как другие просто покинули свои исконные земли - такие, которые существовали среди тектонической анархии оживленного орбитального цикла Фенриса - эти люди остались, чтобы защитить свои дома и образ жизни. «Пример для других, - сказал Великий Волк, - и, несомненно, для будущих Космических Волков».

И по этой последней тревоге Арджак догадался о величайшем страхе Логана Гримнара. Космические Волки принадлежали к их народу. Если погибнут люди, то погибнет и Орден. *Canis Helix* и фенриси́йская кровь были неразрывно связаны. Если орден должен был возместить свои потери, если должно было появиться новое поколение Космических Волков, то каждый город, племя и деревня были драгоценны, как драгоценные камни.

Вот почему Арджак бороздил снег на ледниковом поле в северных пустошах, чтобы противостоять снежному Змею.

- Ждите здесь, - сказал он горожанам, поднимая молот, чтобы остановить их.

- Мы сражаемся на твоей стороне, - настаивала Тира, размахивая копьем.

- У меня широкий размах молота, - сказал Арджак с натужным юмором. Он действительно не хотел, чтобы они рисковали собой только для того, чтобы затруднить его боевое пространство. - Быть с моей стороны опасно.

Их честь была удовлетворена оправданным отказом, и эльсинхольмцы удовольствовались тем, что последовали за ним в дюжине метров, причем выражение их лиц становилось все более испуганным по мере того, как они углублялись в туман.

Туман блестел, и вовсе не от подвешенных ледяных кристаллов, как сначала подумал Арджак. Он не был вирджарлом, но в холодном бризе почувствовал что-то неладное. На любой другой планете, кроме Фенриса, это можно было бы назвать неестественным, но в ледяных пустошах его родного мира вирд был

такой же частью природы, как деревья, рыбы и птицы.

В этом тумане определенно было что-то странное, больше, чем просто блеск. Остатки колдовства.

Это было, пожалуй, самое худшее. Битвы, монстры, опустошенные поля и охотничьи угодья были экстремальными, но со временем ничего такого, что Фенрис не мог бы исцелить. Но в тех разрозненных местах, где был сломлен вирдштурм, где было выпущено на волю колдовство и прошла поступь Магнуса, дух Фенриса был испорчен.

Арджак горячо надеялся, что это всего лишь чудовище, тронутое вирдом. Если это было что-то другое... Великий Магистр Серых Рыцарей поклялся хранить в тайне знания, которыми так крепко владели владыки Титана.

Он оглянулся на Рангвальдра, Магнхильд и остальных. Его взгляд остановился на огневолосой Тире. Он действительно не хотел убивать их за невольное преступление - встречу с демоном.

Глава 2: Легенды

Выйдя через одну из боковых дверей, Ньял направился в свою комнату. Когда он говорил Логану о том, что Клык преследуют призраки, он не просто использовал скальд-слова. Благодаря его вирду крепость-монастырь жила всеми видами исключительной деятельности. Со времени вторжения Магнуса Красного границы между материальным миром и варпом вокруг Фенриса были существенно истончены, и Клык гудел от зарождающейся силы на грани ощущений.

Мир Космических Волков всегда занимал пространство ближе, чем обычно, к имматериуму. Именно эта близость к царству снов и кошмаров была источником их рунелора и, возможно, секретом *Canis Helix*, связанной с космическими волками - генного семени, дара Всеотца, чтобы сдерживать искушения темных богов. За прошедшие столетия Ньял узнал много разных взглядов на вселенную: от Сынов Русса, от библиотекарей других орденов, психомантов Адептус Механикус с их варп-алгоритмами, а также от встреч с обитателями и слугами Бездны. Но в его сердце был вирд его воспитания, врожденная связь с тканью Вселенной, которая составляла основу его сил. Другие говорили о разрывах между измерениями или о проникновении в отдаленный резервуар энергии. Для Ньяла и других людей, выросших как вирдфулк на Фенрисе, их способности не пришли из другого места, но были частью окружающей их субстанции.

Именно так он теперь смотрел на Клык - тонкая ткань между царством смертных и обиталищем богов, что была близка к разрыву. Он слышал шепот мертвых рабов, оплакивающих свою неспособность служить Всеотцу, а не их смерть во время испытаний, чтобы стать космодекантом. Несбывшиеся клятвы павших братьев пели вдоль стен и эхом отражались от башен. Боевые кличи или предсмертные рыки, раздававшиеся на другом конце галактики, эхом отдавались в покоях цитадели.

Он иногда видел их, когда над Клыком стояли полные луны и Фенрис был освещен звездами не из мира смертных. Мелькают в тени изможденные мертвецы и почтенные погибшие; те, кто умер в бесчестье, и те, кто храбро отдал свою жизнь.

И не только Космические Волки.

За свою долгую историю Фенрис несколько раз подвергался вторжению - от Тысячи Сыновей Магнуса до

вспенившихся фанатиков кардинала Бухариса и множества других предателей и чужеземных врагов. Тысячи лет прошло с тех пор, как они осаждали крепость-монастырь, но духи безумного Фратериса продолжали кричать и возносить хвалу ложному Богу-Императору. На стенах были выгравированы богохульные песнопения сыновей Просперо, в трещинах между камнями образовались лица песнопевцев, а на них - пятна тысячелетней давности.

В этом не было ничего нового. В первый раз, когда Ньял ступил в аетт Космических Волков, он почувствовал присутствие древних мертвецов, как будто все это сооружение было построено не только как крепость, но и как проводник для духов умерших. Под пляшущими полярными огнями Клык тоже кишел другим светом, притягивая к себе силу полубогов и бессмертных принцев.

В последнее время интенсивность и частота этих вторжений возросли. В своем последнем нападении Магнус искал не только мести. Его легион и демонические союзники могли быть изгнаны с поверхности Фенриса, но ни Ньял, ни Логан, ни кто-либо другой, обладающий достаточной мудростью, чтобы видеть, не назовут окончание битвы победой.

Отчасти именно для того, чтобы отвлечься от этих мыслей, Ньял и отправился в пустыню. Он искал ясности в ледяных вершинах, трудился весь свой путь, чтобы рассеять туман сомнений, который Магнус оставил в его мыслях.

Ньял искал очищения, возвращаясь к состоянию естественной благодати, которая одарила его своим вирдом.

И это сработало. Его зрение было острее, чем когда-либо, но его разум также был сильнее, так что призраки, которые преследовали Клык, больше не вторгались в его бодрствующие мысли. Сон — это совсем другое дело, но здесь его одаренная Всеотцом физиология была настоящим благом, позволяя ему полностью отдохнуть всего за пятнадцать минут. Даже эту передышку он не позволял себе во время своих поисков. Прошло уже немало времени с тех пор, как он знал хотя бы полусон своего каталептического узла.

Вот так он и пришел в свою комнату, усталый в мышцах и костях, но бодрый в мыслях.

Дыхание Арджака вырывалось длинными, дымящимися клубами, под стать испарениям, исходящим из устья пещеры. В сотне метров от пещеры он поднял свой молот и щит и медленно двинулся вперед, не сводя глаз с расселины впереди.

Он с болью ощущал, как тень позади него удлиняется по мере того, как солнце садится за дальнюю сторону фьорда. Ползучая тьма настигла его, когда он был всего в пятидесяти метрах от неровной трещины. Он перешел на медленный бег, пытаясь поймать колеблющуюся линию, но он все еще был в тридцати метрах от логова монстра, когда горная тень достигла входа. Отражающий лед был поглощен наступлением ночи, погрузив ледниковое поле в сумерки.

- Балка, - выругался Арджак.

Ледяной взрыв вырвался из пещеры, покрыв морозом доспехи и лицо Арджака. Он моргнул, потрескивая белизной, как раз вовремя, чтобы увидеть змеевидную фигуру, выходящую из пещеры. Двухметровая змея выскользнула на ледяное поле, но ее хвоста все еще не было видно. Его голова была окружена колючей оборкой, растопыренной в агрессивном жесте, а рот открылся, обнажив клыки-сосульки.

Позади него горожане закричали в панике, но Арджак почувствовал облегчение, когда чудовищный змей пополз к нему через ледник.

Не демон.

- Все в порядке! - крикнул он, оглядываясь на отступивших эльсинхольмцев. - Это всего лишь штурмвирм, тронутый вирдом!

Арджак снова обратил свое внимание на существо, которое встало на дыбы в десяти метрах над ним. Чемпион Великого Волка поднял свой щит, молот качнулся назад в другой руке. Туман клубился из пасти змея, снова окутывая его, покрывая коркой кожу и керамику. Из облака выпрыгнуло чудовище, ударившись головой в его сторону.

Его тупой нос врезался в щит-наковальню. Удар отбросил Арджака назад, а из силового поля посыпались искры. Он тяжело приземлился, его тяжелая броня расколола лед белым шлейфом. Покачивая головой, гигантский змей приблизился.

С яростным воплем Тира пронеслась мимо, снег взметнулся от ее шагов. За ними последовали другие из опустошенного города, имена их павших близких выкрикивали как проклятия, титулы Всеотца выкрикивали как заклинания защиты.

- Нет, нет, нет, - проворчал себе под нос Арджак, перекатываясь на бок и припадая на одно колено. - Вы просто будете путаться под ногами.

Коридоры вокруг палат мастеров рун были увешаны символами вирдвардов из железа, камня и золота, а также рунами-барьерами из кремня. Это выглядело грубо, как варварские подношения непосвященных Темным силам, но Ньял знал, что лучше не судить о защитных талисманах по внешнему виду. Все сущее имело свое присутствие в варпе. Ученые Империи называли его по-разному: душой, тенью, духом. Для рун-скальдов это было отражением, отсюда и их поэтические названия варпа - другие моря, воды внутри льда, замерзшие за его пределами. Подобно отражению на покрытой рябью ледниковой стене, проекция материала в варп была неполной, даже асимметричной. Пучки окровавленных волос и начертанные кости, обработанные металлом символы рун, более древних, чем Клык, были противоположными - несовершенными смертными интерпретациями безупречных варп-концепций. Это был язык богов, написанный в измененной человеческой форме, читаемый только на периферии - более глубокий язык, известный только Темным Богам и Всеотцу. Это был грубый перевод, как и попытки посетителей говорить на языке Фенриса, слыша и произнося только резкие словесные слоги, в то время как они пропускали все интонации и дыхание, которые смягчали слова.

В варпе трижды скрученный гвоздь был не просто креплением, а замком на разуме. Узел вечности, сплетенный, казалось бы, бесконечно переплетающимися серебряными лентами, был собирателем, объединяющим силу, отсасывающим энергию от тех, кто мог бы заманить ее в ловушку для грязного использования. Шкуры, клыки и когти - все это было воплощением фенрисийского духа, первобытной и непреодолимой силы самого мира. Когда Ньял приблизился к своей комнате, стены казались ему яркой радугой, наполненной ненавистью и надеждой, любовью и гневом.

Дверь ничем не отличалась от множества механических порталов по всему Клыку, если не считать вырезанного кинжалом знака на ней: Заклинатель Бурь. Его руна горела золотом, узнавая своего создателя, кровь, которая была использована, чтобы скрепить его создание звеном, которое не могло

быть разорвано или подделано смертными средствами. Ньял мысленно расстегнул путы на двери, и дверь с шипением открылась.

Комната внутри оказалась больше, чем можно было ожидать, учитывая ничем не примечательный вид ее двери. Ньял не думал о спиральных рунических фигурах и восьмиугольных пересечениях, высеченных в голой скале, но для тех, кто не обладал даром, это зрелище могло бы привести в замешательство, если не вызвать мигрень. Наверху простирался хрустальный потолок, почти невидимый, если не считать тонких вершин, сверкающих в Т-образном свете. Он был звездным светом верхних слоев атмосферы Фенриса. Призматический свет заплясал по комнате, дробясь вдоль линий пространственной геометрии вирдов.

Ближе к центру комнаты в короне танцующего гало вирда стоял богато украшенный тактический дредноутский доспех, подвешенный на громоздком манекене из сочлененного дерева, сине-серый керамит которого был украшен металлическими знаками. Волчья шкура и хвосты, талисманы и вирдлоды усиливали эту психическую защиту. На голову манекена был надет узор из тонкой проволоки и кристаллических соединений - психический капюшон.

Найтвинг покинул плечо Ньяла, когда дверь за ним закрылась, и сел на спинку стула, стоявшего напротив боевой пластины штурмовика. Трон - ибо он был такого размера, что слово «кресло» не вполне соответствовало его размерам - был вырезан из цельного куска дерева. Тысячелетия лака и патины скрывали большую часть мелких деталей, над которыми его создатель, очевидно, трудился много дней. Более заметными были бледные кости, вделанные в темную древесину. Они грубо повторяли очертания человека, сидящего в кресле: ноги спереди с бедром и берцовой костью, руки с похожими украшениями и позвонки, идущие вверх по длинной узкой спине. На вершине этого сооружения, как раз над головой человека, помещался череп вульпа, похожий на корону или священный нимб.

Когда Ньял впервые увидел его, он подумал, что скелет, вставленный в каркас трона, принадлежал громовому волку, но при ближайшем рассмотрении обнаружилась еще более нелепая истина. Череп выдавал человеческое сходство, фаланги с противоположным большим пальцем, а не лапа волка. Кости принадлежали человеку или чему-то подобному, испорченному проклятием вульфена. Ньял не знал, кому принадлежал этот скелет при жизни, а его предшественник на посту верховного жреца рун не давал ему такого знания до самой смерти. Однако он чувствовал психический потенциал, заключенный в древних костях, и инстинктивно понимал, что они, вероятно, даже старше трона, к которому были привязаны позолоченными лентами и железными гвоздями с шестигранными головками. Великий вирдтегн племен, это казалось очевидным. Возможно, даже легендарный Игест Болдркин, прославленный в хрониках Гнаурила Старшего.

Кто бы ни претендовал когда-то на это тело, его назначение теперь служило точкой отсчета для конфигурации рунного зала. Расположенная на собственной вершине Клыка, комната Верховного Рунного Жреца была отделена от физического и психического беспорядка цитадели, подобно древним башням вирдов за пределами великих поселений королей. Все это было сделано для того, чтобы сконцентрировать энергию полярного каскада в этой комнате, а точнее - в сознании того, кто сидел на рунном троне.

Когда Найтвинг сел, Ньял подошёл к стойке доспехов. Он на мгновение увидел себя опускающимся в жуткое кресло глазами своего фамильяра, прежде чем перевести его в спящий режим. Он положил руки на скелетообразные подлокотники трона и откинулся назад, чувствуя присутствие позвоночника напротив своего собственного, хотя это и было воображаемо, так как мех между его спиной и креслом был густым.

Закрыв глаза, он подумал о медитации, а не о сне. Но даже его тело было настолько утомлено испытаниями, которые он сам себе устроил в дикой местности, что не прошло и минуты, как он потерял сознание. Рунный зал был сконфигурирован так, чтобы одновременно защищать и расширять мысли обитателя трона – более того, он почти существовал для этой цели. Спать в объятиях костяного кресла означало позволить своему разуму блуждать по волнам другого мира, будучи ведомым подсознательным капризом и свободным от забот бодрствующей мысли. Ньял использовал его много-много раз в своей роли верховного жреца рун, но это было неудачно, и некоторые могли бы сказать, что это было необдуманно, так как он был почти истощен этой ночью.

Когда последние остатки сознания ускользнули от Стормкаллера, он на прощание подумал о желании Логана увидеть возвращение Волчьего Короля, переданное в его мыслях через символ волка, который крадется между звездами, известный адептам как Волк Неистовый. Его разум просачивался в массив психически заряженных материалов вокруг него, рассеиваясь и усиливаясь одновременно, отбрасывая его на другой берег.

Он увидел это Зловещее Око. Водоворот отчаяния и ужаса, где прятались легионы, повернувшиеся против Всеотца. Когда-то оно было одновременно владением и тюрьмой Магнуса и его собратьев демонических примархов, но теперь они вырвались на свободу, чтобы принести новые разрушения Империи.

Волчий вой расколол галактику. Это был не вопль горя, а вопль ярости. Он становился все громче и громче, пока не сжег миры и не погас звезды. Из него струилось голубое пламя и буйная чума, реки крови и буря золотых клинков. Ньял видел, что вся галактика измучена ранами. Каждая из них была трещиной в реальности. Разрыв в ткани того, что есть и чего не должно быть. В лексиконе Адептуса Терра она называлась Великим Разломом, но для Космических Волков эта общегалактическая катастрофа имела другое название: Эвердаск. Умиравший свет надежды. Сумерки богов.

Глаз превратился в клыкастую пасть, пожиравшую все, что находилось поблизости, и рос все больше и больше, пока сама Терра, сверкающий серебряный шар, не оказалась в его пасти.

Но его разум не отваживался приблизиться к Тронному Миру. Он был втянут другим течением, покачиваясь, чтобы блуждать от мимолетной мысли. Его сонный глаз переместился еще дальше, к яркому вихрю в центре галактики. На фоне яркого света он увидел пятнышко тьмы, еще более темное, чем пустота между звездами. Ньял не нуждался в подсказках, чтобы опознать его. Это положение было хорошо известно в преданиях его ордена и, в частности, в сагах рунных жрецов.

Просперо.

Мертвый мир. Мрачный мир. Мир, казненный Волчьим Королем за свои преступления против Всеотца.

Родной мир Магнуса Красного и Тысячи Сынов.

В тот момент, когда его мысленный корабль приземлился на Просперо, он почувствовал мгновенную связь. Это был мир, который был погружен в вирд Тысячи Сынов, и даже сквозь время он все еще пел сквозь другие волны моря. Предсмертные крики миллиардов людей отдавались эхом; последние десять тысяч лет не уменьшили страданий от их гибели.

Если бы Ньял не спал, он, возможно, обратил бы свой мысленный взор куда-нибудь в другое место, потому что слишком долго задерживаться на таком захолустном мире, как Просперо, означало бы навлечь на себя очарование и беду. Но этому не суждено было сбыться, и Ньял задержался там еще на

некоторое время, загипнотизированный руническими воспоминаниями о разрушении.

В грохоте падающих городов он услышал единственный голос, звучавший яснее остальных. Мольба, сначала бессловесная и жалобная. Не то чтобы это было похоже на испуганные крики бесчисленных жертв казни Просперо, но именно из-за ее близости. Это было невозможно, потому что Просперо был мертв уже десять тысячелетий, и его труп был чисто обглодан. И все же чей-то разум вернулся к рунному жрецу.

Глупо, почти в лихорадке, он вошел в контакт.

Арджак поднялся на ноги, когда Тира была всего в нескольких метрах от монстра. Он видел, как она отражается в угольно-черных глазах чудовища, и это изображение уменьшалось, когда оно поднималось для нового удара. Так же ясно, как если бы он был одарен магическим зрением, он представил себе, как чудовищная челюсть захлопнется, чтобы разрубить женщину-воина пополам.

Он сделал шаг вперед и метнул молот в противника. Приведенное в действие невероятной силой, усиленной толстыми волоконными жгутами его терминаторского костюма, оружие сверкнуло так же прямо и верно, как лазерный взрыв. Пылающий молот врезался в боковую часть черепа штурмвирма, разбросав толстые чешуйки, как сломанная стена щитов.

Фохаммер стремительно исчез в ледяных миазмах за спиной чудовища.

Змея шлепнулась боком, забилась в снежные сугробы. Поток ледяных осколков отбросил фенрисийцев назад. Кровь хлынула из раны над глазом, мутировавший зверь снова поднялся, широко раскрыв челюсть, чтобы выпустить еще больше зимних испарений. Три эльсинхольмца бежали из тумана, плача и стеноя, когда лед потрескивал в их венах. Они рухнули с удушливым кашлем, их легкие и сердца замерли от испорченного вирдом дыхания.

- Отойдите! - прорычал Арджак. Он отмахнулся от горожан своей теперь уже пустой рукой, когда они столпились вокруг своих замерзших товарищей.

- У тебя нет оружия! - крикнула в ответ Тира, вызывающе поднимая копьё.

- Я Небесный Воин, - сказал ей Арджак, неуклюже продвигаясь вперед. - Мое оружие — это хитрость богов.

Он протянул руку и активировал миниатюрный связанный телепорт в своей ладони. Что-то блеснуло во мраке тумана ледяного змея, и мгновение спустя в его руках материализовался Фохаммер. Тира смотрела, разинув рот, как он пронесся мимо, двигаясь перед ней, когда змей снова двинулся вниз.

На этот раз он встретил атаку молотом, а не щитом, взмахнув окутанной бурей головой вверх. Зазубрины разрушающей молекулы энергии взорвались, разрывая нижнюю челюсть и часть морды. Осколки искрящейся кости и кристаллизующейся крови дугой пронеслись над Рокфистом и дождем посыпались на ошеломленных горожан.

Умиравший змей шлепнулся вперед, заставив Арджака отбросить его в сторону щитом-наковальной, спасая Тиру во второй раз. Почти безголовый труп дергался по льду, оставляя кровавые борозды, в то время как отвратительная маслянистая субстанция вытекала из переполненных ядом вирда желез.

Глаза Ньяла резко открылись, и он проснулся с полузадушенным криком тревоги. Его дыхание затуманило воздух комнаты, охлажденный психическим потоком, который рассеивался через сеть вокруг него. Линии силы и рунические устройства были покрыты инеем, ледяные дорожки пересекали стены и пол. Тонкий слой инея покрывал его кожу, тая и потрескивая, когда он сел вперед, его постчеловеческое тело болело от резкого холода.

Все тепло ушло из комнаты, оставив ее такой же замерзшей, как горные вершины. Глаза Ньяла болели, когда он растирал их хрустящими костяшками пальцев.

Сосульки падали с его бороды и меха, разбиваясь о твердый пол. В звуке их разрушения он услышал едва уловимое эхо чего-то знакомого-крик о помощи, завершивший его путь во сне. Он покачал головой, думая, что это уловка акустиков или следствие его усталости. Он проспал всего две минуты и ни капельки не отдохнул.

«Помоги».

На этот раз крик был безошибочно узнаваем, поскольку к нему не присоединился и под него не замаскировался никакой другой звук. Острый слух Ньяла подсказал ему, что его слабость была вызвана скорее расстоянием, чем мешающими препятствиями.

«Помоги мне».

Ньял резко повернулся налево, потом направо, убежденный, что в комнате есть кто-то еще. Но он ничего не видел. Поток психической энергии исчез, и лед начал таять.

«Помоги мне».

Голос не передавал никакой звуковой волны, понял Ньял. Его мозг перевел это как далекий зов, но на самом деле сообщение возникло в его голове. Он вспомнил момент соединения в конце своего психического пребывания. Тревога проскользнула в его мысли. Рунный жрец тяжело сглотнул.

- Дурак, - пробормотал он. - Что же ты наделал?

Он закрыл глаза и усилил свои мысли, бронируя свой разум слоями психической стали, чтобы отсечь любое внешнее вторжение. Он чувствовал себя разбитым и одиноким, но как только он был полностью отделен от варпа, существо, которое пыталось связаться с ним, никак не могло прорваться.

+Помоги мне.+

Ньял пошатнулся, положив руку на спину костяного кресла, чтобы не упасть. Слова были те же самые, но интонация изменилась. Это была уже не мольба, а настойчивость говорящего.

+Да. Вот и все. Подумай, Сын Русса. Сосредоточься!+

Настойчивость в голосе немедленно вызвала в Ньяле бунтарское раздражение, инстинктивное желание отвергнуть эту мнимую власть. Но, несмотря на свои фенрисиийские склонности к индивидуализму, Стормкаллер знал, что должен подчиниться, и поэтому сосредоточил свое внимание скорее внутрь, чем наружу. Когда защитная стена осталась нетронутой, он начал прощупывать свое собственное сознание, словно отступая в цитадель, опуская решетку и закрывая на ходу ворота.

Он нашел это вторжение.

Это было похоже на искру или осколок, мельчайшую частицу чего-то еще, застрявшую в его сознании. Осколок, отколовшийся, когда он вырывался из лунной дорожки в момент соединения.

Ньял попытался вытащить эту агрессивную щепку, но она сопротивлялась всем попыткам сдвинуть или удалить ее. Как колючка, она была подключена к его психическому присутствию, его собственная сила обволакивала ее, как дерево может расти вокруг камня. Чем сильнее он пытался вытащить ее, тем сильнее она заклинивалась.

«Кто ты такой? Демон? - буркнул Стормкеллер. - Ты не первый, кто прибегает к подобным уловкам».

+Твои грехи вернулись, сын Русса.+

Ньял принял это без ответа, Хорошо зная, что ответ на подстрекательство демонов просто дает им больше силы. Он еще немного подумал, выпрямляясь и восстанавливая равновесие.

«Колдун из Тысячи Сынов».

Он ощутил какое-то странное мгновение удивления.

«Ты думаешь, что только потому, что я ношу шкуру, у меня мех между ушами? - сказал Стормкеллер. - Именно такое высокомерие определило вашу судьбу».

+Ты кажешься удивительно спокойным, учитывая затруднительное положение.+

«Я еще не сталкивался с ситуацией, когда паника была бы лучшим вариантом, колдун. Я скоро уничтожу тебя».

+Я в ловушке.+

«Хорошо».

+Это не очень хорошо. Я в ловушке здесь, в твоей голове.+

Сердцебиение Ньяла участилось.

«Как это возможно?».

Неслышный вздох промелькнул в мыслях Ньяла, мимолетное ощущение смирения и сожаления.

+Что ты знаешь о Портальном Лабиринте Просперо?+

«Мало. Но еще больше теперь, когда некоторые из наших братьев из потерянной компании, которые были пойманы там в ловушку, вернулись. Это был варп-путь, проложенный между мирами и королевствами, который позволял Легиону Магнуса путешествовать через их анклав и доминионы без звездолетов. Мы уничтожили его вместе с его создателями».

+Этого действительно мало, и то немногое, что ты знаешь, неверно. Портальный Лабиринт не может быть разрушен бомбардировкой или адом. Она существует вне реальности. Но вторжение ваших компаний разрушило многие связи и разрушило мосты между пунктами назначения. Ваши рунные мастера запечатали все, что смогли найти, но это все.+

«Я все еще не понимаю, почему ты думаешь, что это нападение будет успешным, проклятый сын Магнуса. Как ты смеешь быть в моих мыслях?».

Последовало разочарованное колебание.

+Я умер.+

«Что?».

+Я мертв. Один из твоих предшественников убил меня в Портальном Лабиринте. Но его промах означал, что моя энергия не сможет рассеяться в варпе. Мое тело сохранено внутри сети, и мой дух пойман в ловушку вместе с ней, бестелесный.+

«Это не объясняет, как ты оказался в моей голове».

+Я не уверен. Я был бессвязен, пока твои мысли не коснулись моих. Ты был проводником, возможно, найдя брешь в барьере, который обеспечивал безопасность Портального Лабиринта. Я чувствую, что между варпом и реальностью произошел какой-то переворот. Все уже не так, как было, когда меня убили, и я думаю, что прошло уже некоторое время.+

«Какое-то время? - Ньял недоверчиво покачал головой. - Ты даже не представляешь, сколько времени прошло с тех пор, как тебя убили?».

+Нет. Все перемешалось и следа. Время здесь нарушено так же, как и временные связи.+

«Десять тысяч лет, колдун. Десять тысяч лет прошло с тех пор, как волки сожгли Просперо».

+Я...+

Непосредственность этого присутствия исчезла, хотя Ньял все еще ощущал его укол в своем сознании. Смятение исчезло из психического шипа, просочившись в его мысли, чтобы смениться печалью и потерей.

+Десять тысяч лет...? Я знал, что это было больше, чем мгновение, но так долго? Все, что я теперь знаю - прах.+

Ньял рассмеялся, не по-доброму.

«Больше, чем ты опасаясь, чародей. Я с удовольствием расскажу тебе, что случилось с вашим Легионом, пока буду думать, как избавиться от твоего вторжения».

+Это просто, если у тебя есть мужество. Все, что тебе нужно сделать, это войти в Портальный Лабиринт, и этот фрагмент воссоединится с остальной частью моего духа.+

«Войти в Портальный Лабиринт? Ты хочешь сказать, что я должен отправиться на Просперо?».

+В Тизку, если быть точным. Город, в который я и твои братья вошли в последний раз.+

«Твой мир был разрушен. Ничего не осталось».

+Это будет утомительно, если мне придется повторяться. Я все еще могу чувствовать части Тизки. Теперь, когда я сосредоточился, я вижу, что это всего лишь могила, но она все еще там частично, и мертвые врата остаются.+

«Здесь есть все признаки приманки, чародей. Думаешь, я не знаю о твоих хитростях?».

+Тогда ты также должен считать это приманкой, потому что это в ваших собственных интересах

прийти.+

«Архивы Клыка глубоки, а наша мудрость стара, просперин. Я найду способ удалить твое жало, не пересекая для этого галактику».

+А как же твои потерянные братья? Запах Фенриса пробудил твои мечтательные мысли, приюхиваясь, сын Русса. Может быть, ты также проигнорируешь возможность освободить их?+

Ньял глубоко вздохнул и открыл глаза, комната показалась ему странно незнакомой теперь, когда он тоже смотрел на нее чужими глазами. Он шагнул к двери.

«Я уверен, что это будет достаточно простая задача, чтобы испепелить то, что осталось от твоей души. Мне нужна только некоторая помощь и оборудование от вирдхалле».

+Я думал, что прошло совсем немного времени, потому что они все еще здесь. Десять тысяч лет! Я уверен, что твои братья не прочь подождать еще немного. Они заперты вместе со мной, тот, кого зовут Булвайф, и его спутники.+

Рунический жрец остановился недалеко от двери.

«Булвайф?» - это имя сразу же стало известно Ньялу. За последние несколько лет все больше и больше потерянных 13-й роты появлялось вновь, каждый воин и отделение приносили с собой свои собственные рассказы о том, как они оказались в ловушке варпа и вырвались из Ока Ужаса. За это время Ньял изучил самые древние записи, собирая имена тех, кто был утерян. Имена всех тех, кто все еще пропал без вести, прочно отпечатались в его памяти.

«Старый Волк».

+Дикарь, который скорее обрекает себя на смерть, чем видит разум. Он предпочел изгнание и пленение общему делу.+

«Ты знаешь одно имя. Это ничего не значит».

+Он убил меня из плазменного пистолета и владеет силовым топором. Ты хочешь, чтобы я описал его злорадное лицо, когда он упустил свой шанс на свободу в свинячьей гордыне? Я могу привести тебя прямо к нему.+

Неужели это возможно? Последствия слов колдуна выходили за рамки любого прямого беспокойства для Стормкэллера. Если еще кто-то из 13-й роты мог быть освобожден, то эта возможность должна была быть поднята вместе с Великим Волком. Он почти не чувствовал угрозы со стороны колдуна. Бестелесный, крошечный осколок души, он мало что мог сделать, чтобы навредить Ньялу или его братьям.

Это было слишком серьезно, чтобы думать об этом в одиночку.

«В том, что ты предлагаешь, может быть, и есть какая-то добродетель, - согласился Ньял. В его сознании появилась нотка торжества, исходящая от колдовской занозы. - Не считай побед, пока они не будут одержаны, проклятый просперин. Я не позволю тебе извлечь выгоду из моего промаха».

+Я думаю, что мы оба ищем одну и ту же цель, пес Русса, и до тех пор наши судьбы связаны.+

Ньял вынужден был уступить в этом пункте, но только на время. Он прочистил горло, чтобы подавить

рык разочарования.

«Под каким именем тебя знали при жизни, колдун?».

+Я - Иззакар Орр.+

Глава 3: Тяжёлая правда

Колдун был рад тишине, пока шёл по длинным коридорам и залам Клыка. Рунный жрец задавался вопросом, насколько Иззакар был осведомлен о том, что произошло, что осколок его сознания мог чувствовать от своего хозяина. Может быть, он с изумлением смотрел на зрелище, которое ни один воин Тысячи Сынов никогда не видел и вряд ли когда-нибудь увидит снова? Видел ли он узловатые рельефы на стенах и чувствовал ли исписанные рунами железобетонные плиты под ногами Ньяла? Мог ли он чувствовать запах свежего, переработанного воздуха или слышать бормотание далеких двигателей и гудение электрических систем? А как насчет дыхания, которое входило в легкие Стормкэллера? Может быть, колдун чувствовал его как свое собственное?

Обнадеживало то, что на эти молчаливые расспросы ответа не последовало. Это означало, что мысли Ньяла все еще принадлежали ему, несмотря на вторжение. Иззакар не мог читать его мысли, несмотря на то что находился внутри него и слышал то, что было озвучено голосом.

Или это могло означать, что колдун был доволен тем, что держал эти знания в секрете для более выгодного использования позже.

Гонясь за собственными мыслями, Ньяль поморщился, расстроенный тем, что допустил ошибку, допустив такую неопределенность, когда всего несколько минут назад был так ясен в своих намерениях.

Найтвинг летел впереди, как разведчик, время от времени приземляясь по его желанию, прежде чем снова пуститься в путь. Присутствие Иззакара, по крайней мере, насколько он мог судить, никак не повлияло на связь Стормкэллера со своим фамильяром. Не было никакого способа узнать, могут ли его другие способности быть затронуты - или саботированы - до тех пор, пока ему не понадобится призвать их. Мысль о том, что его разум может быть настроен против него, а может быть, уже был настроен, отрезвляла. Как Рунный жрец и библиотекарь Адептус Астартес, его мысли были величайшим даром и величайшей слабостью. Его долг превыше всего - сохранить святость своего разума, и только невероятная сила воли помогла ему вступить в братство сыновей Русса. При меньшей стойкости он был бы убит или, что еще хуже, унесен на Черном Корабле инквизиции.

То, что его оборона была прорвана, раздражало. И даже хуже: не нападение вскрыло крепость его разума, а его собственная небрежность. На мгновение он оставил ворота незапертыми и неохраняемыми. После стольких лет он успокоился.

Казалось слабым утешением, что инцидент с колдуном был самым худшим из того, что случилось. Он ощутил закипающую враждебность от осколка сознания, который ныл в основании его мыслей. Как бы это ни раздражало, ненависть легионера Тысячи Сынов не была прямой угрозой. Он не был демоном или хищником варпа...

Ньяль вертел в руках связку резных рунных костей, потирая их и позвякивая железным кольцом на толстом пальце. Чем больше он размышлял о случившемся, тем больше волновался, хотя старательно

изображал свой обычный вид мрачного созерцания для тех, с кем сталкивался. Но даже в этом случае он боялся встретить хорошо знакомого ему боевого брата, возможно, одного из Волчьих Гвардейцев, который мог заметить что-то неладное и задать неудобные вопросы. Он был не в том положении, чтобы признаваться в своем затруднительном положении всем и каждому, и все же он чувствовал, что сокрытие этого было бы также серьезной ошибкой.

Ему почти не о чем было беспокоиться по этому поводу; так мало его братьев осталось в Клыке. Пробираясь через цитадель Космических Волков, Ньял миновал лишь меньших рабов, занятых черными делами. Одетые в туники и бриджи, некоторые с маленькими значками принадлежности к одной из великих компаний или бирками наград, полученных за преданность своим обязанностям, они были скромными фигурами. У многих были шрамы, физические напоминания о неудачных испытаниях. У других был отсутствующий взгляд, не лишенный интеллекта, но притупленный ужасным опытом, почти кататония, которая ставила их только чуть выше рабов-машин сервиторов. Все они узнали Лорда Фенриса и почтительно поклонились Стормкаллеру, склонив головы и коснувшись пальцами лба. Некоторые из самых молодых преклонили колени, когда он проходил мимо, бормоча фенрисииские благословения.

Путь привел его к длинной, покрытой пластиком галерее, которая превратилась в мост над глубоким ущельем. Склоны ущелья были усеяны пещерами, видимыми только во мраке его усиленным зрением. Гигантские летучие мыши сновали туда и обратно, поднимаясь по спирали в лучах ламп цитадели, мелькая клыкастыми чудовищами, которые быстро исчезали.

Ньял остановился, прежде чем сойти с моста, чтобы взглянуть на бастион, к которому он шел. Подобно залам Повелителей Рун, он был отделен от остальных - внешней башня, соединенная только мостом и узкой дамбой из заснеженных скал. Он стоял на естественном пилестре посреди широкого ущелья, окруженный со всех сторон темным оврагом. Оборонительные башни усеивали отвесные стены квадратной башни. Крыша и верхние этажи были сделаны в виде величественной, огромной волчьей головы с открытой пастью, единственным посадочным фартуком, похожим на высунутый язык между клыками. Там стоял штурмовой корабль «Штурмоволк», черный вместо обычного серого цвета ордена, с золотыми приборами из волчьих черепов на тупом носу и короткими крыльями. Его присутствие указывало на то, что самый высокопоставленный обитатель башни находился внутри, как Ньял знал из вирдсайта еще до того, как отправился в путь.

Стиснув зубы, опасаясь того, что ему придется сказать, Ньял подошел к окованной железом двери башни. Еще одна эмблема волчьего черепа отмечала портал, окруженный большими железными заклепками, отмеченными устройствами двенадцати великих компаний.

Он поднял посох и трижды сильно постучал в дверь. Удары отдавались по мосту и внутри самой башни.

Сюрвейеры щелкали и жужжали в притолоке и дверной раме. Зажужжала красная лампочка, на мгновение окинув его взглядом, прежде чем погаснуть. Наконец раздался лязг трещотки, и дверь распахнулась, открыв короткий коридор, ведущий к широкой лестнице, ведущей в башню.

Приготовившись к предстоящему трудному разговору, Ньяль переступил порог Цитадели Истребления.

Ньял поднимался по лестнице неохотно, его ноги замедлились не из-за физического веса, а из-за тяжести признания, которое ему вскоре предстояло сделать. Хотя башня имела ритуальное значение, она также была неотъемлемой частью обороны Клыка. Как и многое, связанное с Фенрисом, внешний

вид и цель не всегда совпадали. Спиральные ступени вели рунного жреца мимо коридоров, обслуживающих орудийные батареи, мимо массивно бронированных дверей складов боеприпасов и проходов в вокс-камеры и сканирующие диспетчерские. Пневматические лифты и шахты автоматической загрузки выстроились внутри, готовые ожить от мысленных импульсов сервиторов, запертых внутри артиллерийских систем. Значки Адептус Механикус запечатывали люки доступа рядом с рунами обслуживания рабов, странных товарищей по постели, которые представляли две совершенно разные культуры, вынужденные нуждаться друг в друге.

Здесь не было неудачников-претендентов. До прихода Ньяла обитатель башни был один. Псайкер мог чувствовать давление культа волка, наполняющего воздух, грубую силу фенрисийского духа, который пронизывал стены, вытекая из единственного обитателя. Он ускорил шаг, зная, что его появление будет замечено, и не желая заставлять Истребителя ждать.

Лестница вела в широкий холл, тянувшийся вдоль всей башни. Внутреннее убранство было святилищем двойственности Космических Волков - имперская иконография вперемешку с фенрисийскими рунами. Знамена, которые когда-то развевались на крепостных валах Императорского дворца, теперь развевались рядом с рваными волчьими хвостами и драконьими штандартами, сделанными по образцу военных чучел фенрисийских племен. Императорская аквила была позолочена на полу, окруженная четырьмя волками, вырезанными из черного гранита, их головы были запрокинуты назад в их вое, каждый из них был выше Повелителя Бурь.

- Зол тот ветер, который приносит Повелителя Бурь одного к Истребителю, - голос был хриплым от старости, но не менее сильным для него, рычащий тембр, заработанный за десять веков сражений. Его владельца не было видно, но Ньял чувствовал его присутствие. Его дух был похож на нетерпеливое пыхтение загнанного волка, исходящее из одного из деревянных реликвариев, выстроившихся в дальнем конце зала. Колонны, поддерживающие панели, были вырезаны в виде сложенных черепов, чередующихся волчьих и человеческих, а геометрические узелки пересекали бревна между ними.

- Ты проникателен, как всегда, Ульрик, - сказал рунный жрец.

- Мне не нужен вайрд, чтобы знать, что только серьезное беспокойство заставило бы тебя прийти сюда, а не на нейтральную территорию залов Логана. Я хранитель духа и знаний ордена, и тебе не нужно было обращаться ко мне наедине с тех пор, как ты поднялся до своего ранга. То, что ты делаешь сейчас... Ну, я прожил долгое время, и на сегодняшний день это самое тревожное, что я видел. Я не удивлен, что до этого дошло.

Говоривший вышел из сокровищницы с черепом ксеноса в руках: вытянутая структура черепа эльдара, с рубинами, вставленными в глазницы, и знаками мести, вырезанными на острых костях щек и на лбу. Ньял чувствовал гнев космического волка, убившего ксеносов, все еще бушевавшего внутри артефакта.

Руки, державшие реликвию, были толстыми, узловатыми, как старые ветви, с ногтями, выкрашенными в черный цвет, и татуировкой волка на тыльной стороне каждой. Еще больше отметин украшали предплечья, некоторые из них красиво изображали волчьи головы, черепа и знаки, другие-грубые царапины. Остальная часть тела Ульрика была скрыта под длинным, тяжелым черным одеянием. Как и сама комната, его одежда была дихотомией: монашеская ряса и одеяние фенрисийского Хранителя Знаний. Веревка связывала его на талии, увешанная имперскими знаками отличия и еще несколькими талисманами волка, манжеты и подол были вышиты серебряной нитью в переплетенных узлах. Он носил ожерелье из клыков и черепов животных, но кулон был Крестом Уничтожения, вручаемый величайшим воинам Империиума.

На поясе у него висел еще один знак императорской власти – Крозиус Аркан капеллана Космического Десанта. К такому рангу относились другие волчьи жрецы. На самом деле, это было жалкое резюме их хваленого положения с космическими волками. С этим ярлыком Адептус Терра делали вид, что понимают, и таким образом терпели существование волчьих жрецов и исповедуемую ими веру. Хотя он содержал силовое поле, способное разорвать плоть и раздробить кости, реальная сила крозиуса была символом единства между космическими волками и Империем.

Лицо Ульрика было таким же угрюмым, как и гора, на которой стояла его башня, покрытая множеством морщин и шрамов. Плетеные пряди, похожие на чистый иней, свисали с головы и щёк. Его взгляд был темным и острым, и он внимательно рассматривал Ньяла, пока Ульрик ставил череп-трофей на подиум в одной из стен зала.

- Говори, - сказал он, скрестив руки на широкой груди.

Ньял не знал, с чего начать.

+ Пора показать себя дураком, фенрисиийский болван. Расскажи ему о своей глупости.+

Гримаса Ньяла выдала его, и он быстро заговорил, прежде чем Ульрик успел отреагировать.

- Я проклят, Ульрик. Мне нужна твоя помощь.

- Заколдован? - Ульрик слегка отшатнулся, глаза его сузились. Его пальцы сжались на руках, бледнея там, где они сжимали плоть.

- Клянусь, тебе ничто не угрожает.

Плотно сжатые губы Ульрика с ядовитым выражением лица безмолвно доказывали, что уже слишком поздно делать такое заявление, но Ньял продолжал настаивать.

- Я ошибся. Скверно.

Ульрик слушал, не перебивая, но с каждой секундой его хмурый взгляд становился все мрачнее по мере того, как Ньял продолжал свой рассказ. Челюсть волчьего жреца дрогнула, щеки ввалились, когда Ньял передал заявление Иззакара о том, что Булвайф и старый стражник попали в ловушку вместе с ним. Штурмовик закончил наполовину пожатием плеч, наполовину извинением, наполовину мольбой.

- Очисти его, - сказал Ульрик. - Тебе не нужно было приносить сюда эту заразу, чтобы узнать правду. Нет ничего хорошего, что приходит от любого другого курса.

- Но как же Булвайф и...

- Очисти его! - Ульрик шагнул ближе, клыки обнажились в вызывающем рычании, глаза горели яростью.

+Ты никогда не войдешь в лабиринт портала без моих знаний.+

- Я надеюсь, что смогу использовать то, что он знает, чтобы освободить наших братьев.

Ульрик покачал головой, его гнев сменился печалью:

- Надежда? Это твои слова или его, которые так легко слетают с твоих губ?

Ньял с трудом сглотнул, и убийца прочел вину в нерешительности рунного жреца. Гнев Истребителя вернулся.

- Этому колдуну не нужно обладать тобой, чтобы управлять твоим телом и разумом, чтобы обратить их на свою темную сторону.

+ Темная причина? Я был носителем света для многих миров, фонарем мудрости императора. Если кто и был тьмой, так это сыновья Русса.+

- Заткнись, - сказал Ньял.

- Что? - Рука Ульрика потянулась к крозиусу, другая сжалась в кулак. - Что ты мне сказал?

- Это не тебе, брат, - поспешно сказал Ньял, отступая на шаг и качая головой. Он указал на свой висок в качестве объяснения. - Ему.

- Ты знаешь, что я скажу тебе, и я буду говорить тебе это снова и снова, - сказал Ульрик с горечью в голосе. - Ты знал это еще до того, как пришел, и все же испытываешь меня этим вызовом. Что еще ты искал? Оправдание? Прощение? У тебя его нет. Ты усугубляешь свою ошибку, развлекаясь любой мыслью о союзе с этим существом.

+ Существом?+ - унижение затопило мысли Ньяля, горячность ответа заставила его задаться вопросом, был ли это его ответ или Иззакара. его инфекция подстегнула его собственное разочарование, которое отравило его следующие слова.

- Ты прав. Я не знаю, что я думал получить от тебя. Я надеялся, что ты сможешь поделиться с нами некоторой долей мудрости, а не болтовней несуществующих священников.

Как только он закрыл рот, Стормкаллер пожалел о своей вспышке. Глаза Ульрика расширились, лицо вспыхнуло. Повелитель Бурь открыл рот, чтобы смягчить свое обвинение, но Ульрик отвернулся, ссутулив плечи и сжав кулаки. Следующие слова он произнес с большим трудом.

- Уходи. Сейчас же.

Гнев Истребителя, хотя и сдерживаемый, горел в глазах Ньяля ярким пламенем. Как бы он ни надеялся исправить допущенную ошибку, дальнейшие слова только разожгут гнев Ульрика, но не погасят его. Он оскорбил честь Ульрика, ут-Гелда, которую будет трудно восстановить. Сейчас у Ньяля определенно не было времени на подобные репарации, да и Ульрик был не в настроении их принимать.

Молча, окруженный дымом отвращения к себе и смущения, рунный жрец ушел.

Большая часть эльсинхольмцев отправилась в свой город за веревками и санями, чтобы забрать труп. Хотя мясо было вирдротом - ядовитым для поедания из-за его порчи - сухожилия, кости, печеночный жир и чешуя, а также многие другие части тела хорошо послужат им в течение предстоящей зимы. Тира и еще несколько человек остались охранять труп от падальщиков. При свете полудюжины горящих палок Арджак пригоршнями снега счищал с доспехов наихудшую грязь, бормоча при этом слова благодарности духу боевой брони.

- Прости, что сомневалась в тебе, - сказала Тира, снова не в силах смотреть ему в глаза. - И за то, что заставила тебя рисковать своей жизнью ради меня.

- Не нужно, - сказал он, имея в виду ее извинения. - Я живу, чтобы защищать царство Всеотца, будь то за космическим мостом или рядом с моим собственным очагом. Нет никакого долга.

Она кивнула и отважилась бросить на него осторожный взгляд.

- Спасибо, Арджак Рокфист.

- Ты сможешь пережить ледовый сезон? - спросил он, смущенный ее благодарностью.

- Рангвальдра беспокоит сезон пожаров, - ответила Тира. - В долгих холодах нет ничего такого. Но что принесут судороги земли?

У Арджака не было простого ответа для нее, и любой уроженец Фенриса знал, что лучше не ожидать его.

- У нас есть поговорка, - сказала она, и тень от капюшона заплясала на ее худом лице в свете факелов. - Вода, которая не течет, становится льдом.

- Зачем уезжать сейчас, когда ты столько пережила?

- Это не то, что ты имеешь в виду. Мы должны измениться, стать потоком. Там, где есть один змей, есть и другие. Мы будем охотиться на них вместо кракена.

Арджак улыбнулся. Если он прислушивался к шаманам и повелителям рун, дух Фенриса был потусторонней силой, но он знал, что это не так. Он вкладывал его в каждый удар своего молота по рунной стали своей наковальни. Он был в ледяной воде, которая погасила горячее лезвие. Это было в крови каждого Фенрисица.

Неукротимый дух.

Полный отказ склониться, принять суровые условия, искать малейшей помощи, если это означало трудности для другого.

- Дети вашего города? - он задал этот вопрос осторожно, ничего не зная о семейных обстоятельствах Тиры.

- Некоторые остались, - ответила она и пожала плечами. - Мы будем держать холод ледяных ночей в страхе с их пополнением. А как же воины неба? Ваши саги о скорби должны расти с каждым сезоном.

- Дайте нам только сильных, умных и храбрых ребят, и Сыны Русса выстоят.

- Только сыновья? - сказала Тира, и ее юмор смешался с жестким взглядом. - Возможно, есть еще вода, которая должна научиться течь.

Арджак посмотрел на эту свирепую женщину, легко державшую в руке острое копьё, и вспомнил, что она преодолела свой страх не психодоктринацией, а грубой храбростью. Она была первой, кто побежал, чтобы помочь ему против змея, нуждался он в ней или нет. Дух Фенриса был во всех его жителях, в стариках и детях, в мужчинах и женщинах. Он своими глазами видел, что Робаут Жиллиман привез из-за границы чудесных воинов времен Всеотца. Космодесантников, вылепленных из еще более острой стали. Если это было возможно, то так оно и было. Он рассмеялся при этой мысли.

Тира нахмурилась, думая, что он насмехается над ней. Он успокоился и склонил голову в знак извинения, не сводя с нее глаз.

- Возможно, - сказал он.

Последующий переход через Клык оказался для Ньяла еще более трудным, и каждый шаг давался ему усилием воли, чтобы преодолеть собственное нежелание. Столкновение с Ульриком бежало по его венам, одно сердцебиение было вспышкой горячего гнева, а следующее - холодной стружкой унижения. Он не предпринял никаких попыток, чтобы скрыть свое настроение. Тень его духа сопровождала его зловещими взмахами крыльев Найтвинга, метафорическое и буквальное темное облако, которое кружилось вокруг конфликтующего псайкера. Лед покрывал его рунические талисманы, когда они пытались сдержать утечку эмоций, маскирующихся под психическую активность.

Рабы не остановились и не приветствовали его, как прежде, а разбежались при его приближении.

«Как, интересно, ваши предки выжили с таким темпераментом?»

Ньял не собирался спорить с колдуном, его единственным ответом было раздраженное рычание.

Правда совета Ульрика разгоралась все сильнее, чем дальше он шел. Глупо было соглашаться на любую сделку с Иззакаром. Даже если все, что он утверждал до сих пор, было правдой, не было никакой гарантии, что он будет придерживаться какого-либо пакта в будущем.

Ньял добрался до Лестницы Миров, одного из главных переходов цитадели, состоящего из нескольких конвейеров, переходов, лестниц и залов. Три высокие колонны поддерживали сводчатую крышу, похожую на пещеру, в которой эхом отдавались шаги рабов, жужжание парящих серво-фамильяров и вездесущий лязг и вой генераторов и механизмов.

Он мог продолжить путь вниз, к покоям Великого Волка, или подняться обратно в залы Повелителей Рун, где изгнал бы Осколки души колдуна из своего разума.

Он стоял как вкопанный между этими двумя вариантами, поворачивая голову между конвейерами, которые должны были доставить его в вирдхалле или в коридор к Логану. Почувствовав его скверное настроение, остальные, проходившие через Большой Зал, расступились перед ним. Они отступили в тень между желтыми лужами света от огромных висящих на цепях фонарей наверху.

Найтвинг кружил в дюжине метров от него, летая без цели, в то время как мысли его хозяина кружились с таким же отсутствием направления.

«Это не твое решение, рунный раб. Ты подчиняешься лорду, не так ли? Ты должен искать его волю, его приказы».

Настойчивость Иззакара почти вызвала противоположную реакцию. Чем больше колдун настаивал на одном варианте действий, тем больше Ньял подозревал его. И все же он обнаружил, что движется к залам Великого Волка, несмотря на все эти опасения. Он не мог позволить противоречию взять верх над логикой того, что предлагал Иззакар. Была возможность спасти часть 13-го, взвешенная против потенциального предательства и потери еще большего количества воинов.

И была еще одна часть Ньяла - постыдная часть, - которая хотела пойти к Логану. Он мог бы замаскировать это как благородный поступок Фенриса - искать мудрости у своего феал-лорда. Он мог оправдать это в соответствии с субординацией, как главный библиотекарь Адептус Астартес, подчиняющийся своему Магистру Ордена. Он мог даже убедить себя, что просто ищет совета у друга.

Несмотря на это, Ньял провел долгую жизнь в самоанализе, постоянно анализируя свои мысли и мотивы на наличие признаков порчи или внешнего влияния - теперь это уже ирония судьбы - и он знал себя лучше, чем кто-либо. Начав спускаться по коридору к покоям Великого Волка, он с ужасом подумал, что

был бы счастлив возложить столь ужасное решение на кого-то другого.

Проходы здесь были больше обязаны аэту Фенрисицею, чем крепости-монастырю космодесантников. Высокие коридоры были увешаны щитами в цветах кланов - изобилие драконов, многоруких кракенов, узелков и змей. Между ними висели драконьи вымпелы вождей и чемпионов.

Каждый предмет дани уважения хранился, причем самый древний и ценный хранился в стагическом хранилище. Нял не упустил из виду, с какой целью он шел по коридорам к личным покоям Логана. Фенрис был в крови каждого космического волка, фигурально и буквально, через спираль Canis их генного семени. Для Космических Волков эта связь была не просто связью чувств, обычаев и генетики, но символизировала их связь со всем человечеством.

Потерять связь со своим происхождением, возомнить себя выше тех самых людей, которые составляли Империиум, было самым тяжким бесчестьем, которое мог вынести Космический Волк.

Долг, уважение, братство. Всем этим он был обязан не только Ульрику, но и пропавшим воинам 13-й роты.

Фенрисицкие атрибуты были не только потенциальным предостережением, но и утешением. Они уверяли тех, кто отваживался войти во владения Великого Волка, что они были среди союзников, товарищей у очага.

Чем ближе Нял подходил к покоям Великого Волка, тем меньше становился осадок от конфликта с Ульриком. Он знал, что Логан был внутри не только по следу вайрда его мыслей, даже охраняемых, как они были, но и по присутствию обычной пары Волчьих охранников у больших дубовых дверей вулфхалле.

На этот раз долг пал на Одина Недруга, и Балдина Красноморского. Два воина-ветерана отступили в сторону еще до того, как Нял объявил о себе.

- Он ждет тебя, Стормкеллер, - сказал Балдин.

Один мрачно покачал головой, выражение его лица было скрыто за раскрашенной клыками мордой шлема.

- Ты следил за Клыкком, как разъяренный барсук с шипом на...

- Иди прямо туда, - Балдин перебил своего спутника, схватив кольцо на одной из дверей, чтобы распахнуть порт.

Интерьер был гораздо меньше по размерам, чем Королевский Зал или зал Великого Волка, но тем не менее впечатлял. Не было никаких сомнений в том, что король Фенриса занимал эту комнату, ее расположение и содержимое были расположены так, чтобы привлечь внимание к сидящему на троне в дальнем конце, окружая любого посетителя трофеями его завоеваний и почестями от его союзников.

Некоторые главы записывали свои боевые почести в свитках или на информационных чипах, пытались охватить свои достижения геральдикой и иконами или воздвигали огромные статуи, памятники и памятные дворцы своим победам. Космические Волки жили среди прошлого своих личных и коллективных усилий. Жизнь их старейших воинов была так велика, что, как и в случае с покоями Логана, целые залы должны были содержать их трофеи. Их битвы тоже жили в сагах, нигде не записанных, но сохранившихся на языках рунных жрецов и волчьих жрецов, воспетых братьями по отряду из поколения в поколение.

Череп еретиков и чужеземцев были в изобилии, а также множество их боевых доспехов, искусно расположенных так, что стены фокусировали взгляд на фигуре в гигантском кресле лорда. На задней стене висели знамена имперских полков, врученные в качестве наград за боевые заслуги. В их центре была имперская аквила, выкованная из бронзы, ее распростертые крылья были увешаны медалями и талисманами, заработанными в сотнях зон войны.

Каждый предмет в комнате был взят или отдан Логану Гримнару, его личному летописцу войны. Каждый череп был врагом, которого он убил, каждое знамя или медаль, врученные ему за его борьбу, его лидерство или и то, и другое.

И обладатель этих многочисленных даней уважения и почестей восседал в своих терминаторских доспехах на троне из огромного камня с выгравированными на нем символами подчиненных ему компаний. Он хмуро посмотрел на своего гостя, что резко контрастировало с его поведением во время их последнего расставания.

- Ульрик прислал весточку.

Это короткое заявление остановило Ньяла на полушаге, и стук захлопнувшейся за ним двери внезапно прозвучал как звук захлопнувшейся ловушки.

- Я мало что смог понять из его нечленораздельной ярости, кроме того, что ты опозорил себя и Космических Волков, - продолжал Логан. - Проклятый Магнус упоминался, и Просперо тоже, но все остальное граничило с бесконечными разглагольствованиями.

- Я предложу ут-гелду, когда он успокоится, - сказал Ньял. - Я много раз ошибался, когда имел дело с Истребителем, но я исправлю эту ошибку.

Выражение лица Логана немного смягчилось, и он, насколько это было возможно в тяжелых доспехах, расслабился. Ньял вздохнул и опустился на одно колено, заработав удивленно поднятую бровь.

- С тех пор как ты принес присягу, ты ни разу не поклонился мне, Ньял. То, что ты делаешь это сейчас, вызывает беспокойство.

- Я совершил ужасную ошибку, Великий Волк.

И с этими словами он снова принялся объяснять свое затруднительное положение. В отличие от его признания Ульрику, на этот раз события, казалось, были на грани смешного. Рассказ об этой истории заставил Ньяла почувствовать себя еще более глупым из-за своей распущенности, своего настроения ребенка перед мрачным, но справедливым родителем.

Когда он закончил, Ньял не мог встретиться взглядом с Логаном, но его взгляд был прикован к стеклянным бусинкам в глазницах медвежьей шкуры под бронированными сапогами Великого Волка. Он знал, что во взгляде Логана будет читаться осуждение, как бы он ни старался его скрыть, и это будет отражением самоосуждения, которое Ньял навлек на себя.

- Посмотри на меня, Ньял.

- Я ... не могу, мой феал-лорд.

- Тогда ты мне не нужен, Ньял. Должен ли я приказывать тебе?

Повелитель Бурь заставил себя поднять глаза, сделав физическое усилие, чтобы встретиться взглядом с

ледяными глазами своего волчьего Лорда. Лицо Логана было суровым, руки сжаты в кулаки на подлокотниках трона.

- И это все, что ты можешь сказать? - сказал Логан.

- Прошу прощения? - отважился Ньял, хотя это слово казалось таким мелким и бессмысленным, когда его сравнивали с величиной его проступка.

- Мне наплевать на твои извинения, мне нужны ответы! - прогремел Великий Волк. - Какой у тебя план? Что мы можем сделать? Встань и действуй, как подобает воину.

Наказание проникло в самую сердцевину колебаний Ньяла, открыв причину его тренировок с Ульриком.

- Я хочу отправиться на Просперо, но не знаю, будет ли это лучшим решением. Риск велик, а вознаграждение ... неопределенно.

«Мы оба знаем, что ты имеешь в виду! Я понимаю, что ты считаешь меня предателем и мое слово ничего не стоит, но я считаю тебя не более чем бродягой истории, восхваляющим воинов, уничтоживших величайшую коллекцию знаний в галактике. Не принимай легко на слух моё имя, имя Иззакара Орра, клянусь, что помогу тебе вернуть твоих потерянных братьев, если ты освободишь меня из этой психической тюрьмы!».

- А альтернатива? - спросил Логан. - Если я решу, что ты должен избавиться от этого бремени? Можно ли это сделать?

- Можно, - согласился Ньял, поглаживая пальцами бороду. - Есть заклинания вайрда, которые могут освободить дух одержимости. Я думаю, что они могут быть обращены к моему нынешнему затруднительному положению.

- И у тебя есть ресурсы для этого? Ты единственный вайрд-брат, не участвующий в кампании.

- Рабов вирдхалле и моих собственных сил будет достаточно.

+Нет, если бы я выбрал сопротивление.+

- Они все пытаются сопротивляться, и никто из них не остается после этого.

- Твои слова не для меня, не так ли? Ты слышишь этого колдуна, как голос?

- Да.

- И он слышит то, что слышишь ты?

Ньял ждал, не в силах сам ответить на этот вопрос.

+Да, - признание было сделано неохотно, но Ньял не был уверен, что оно правдиво. Только если ему удастся поймать колдуна, он узнает наверняка. - Твои мысли скрыты от меня, но слова и зрение, вкус и прикосновение принадлежат мне, чтобы поделиться ими. К сожалению, учитывая, что эти твои меха воняют от твоих недавних трудов и жира твоей варварской стряпни.+

- Он может видеть и слышать тебя.

- Тогда ответь мне вот на что, вирдтень из Просперо, - Логан уставился на него так, словно мог видеть дух в голове Ньяла. - Этот твой лабиринт, врата портала, они тянутся в Око Ужаса?

+Портальный лабиринт простирается во многие места, за пределы времени и пространства, и через глубины варпа. Око Ужаса - это всего лишь зияющая пропасть, перекинутая через нее великими ухищрениями процветающего знания.+

- Он говорит, что это может быть, - сказал Ньяль.

+Подожди! Более того, я чувствую, что в варпе произошли большие потрясения и беспорядки, не отмеченные с тех пор, как пали эльдары и Император восстал на Терре.+

- Его назвали Великим Разломом, шторм такой силы, что он расколол Галактику, - объяснил штурмовик своему экстрасенсорному безбилетнику. - Ритуалы вирдов и огромные жертвоприношения разрушили барьеры, разделяющие королевства.

- А что он говорит? - потребовал Логан, в отчаянии сжимая и разжимая руки. - Что он тебе говорит?

+Лабиринт сейчас разрушен больше, чем когда-либо. Просперо горит с силой, не сдерживаемой кристаллом или узлом. И Магнус! Я чувствую, как близко горит яркое солнце его разума.+

- Магнус вернулся на Просперо? - спросил Ньял. Великий Волк, казалось, собирался заговорить снова, но напряженное выражение лица рунного жреца не позволило ему прервать его.

+Он не в нашем родовом мире, но близко к нему.+

- Ходят слухи, что Багровый Король вырвал планету чародеев из когтей чужеземцев, - сказал Логан, догадываясь о содержании слов чародея. - Это так?

+Я понимаю слова твоего лорда, но не смысл. О какой планете он говорит?+

- Это слишком долгая история, чародей. По крайней мере, сейчас, - Ньял пристально посмотрел на Великого Волка. - Что прикажете, феал-лорд? Осмелимся ли мы войти в лабиринт Просперо или мне следует попытаться отразить это вторжение?

Логан задумчиво потер лоб. Его взгляд был прикован к глазам рунного жреца, словно он пытался заглянуть ему в душу, чтобы увидеть заключенный там фрагмент магии. Его челюсть медленно двигалась, как будто он пережевывал мысли, проносящиеся в его голове. Когда он заговорил, его слова звучали размеренно, по-королевски. Отчаяние и нетерпение исчезли, сменившись мудростью и спокойным темпераментом.

- Ты отправишься к Просперо. Мы поклялись не бросать ни одного брата из тринадцатой роты и остаемся верны этой клятве. И еще ... - Великий Волк сделал паузу. Выражение его лица стало почти извиняющимся. - И еще, если бы можно было как-то использовать этот лабиринт, чтобы найти короля Волков...

«Что он имеет в виду? Где Русс?»

- Я буду внимательно смотреть и слушать, Великий Волк, - пообещал Ньял. - Но вы говорите так, будто я путешествую один. Ты не поддержишь меня?

- Я полностью поддерживаю тебя, - сказал Логан, - но моя мощь истощена, и я мало что могу сделать для этого похода. Я дал присягу войскам на другое дело, но если есть те, кто готов отправиться с вами, я освобождаю их от других обязанностей, чтобы сделать это.

Ньял слегка поник, но не стал жаловаться. Такие маленькие милости были больше, чем он заслуживал. Он кивнул в знак благодарности.

- Тогда пусть по всему Клыку станет известно, что Ньял Стормкаллер желает иметь компанию для миссии, которая однажды станет легендой, - объявил Логан Гримнар. - Космические Волки возвращаются на пепелище Просперо!

Глава 4: Стая собирается

Цель Великого Волка стала известна по всему Клыку в течение часа. Слово Волчьего Короля было крепче железа, как и долг, возложенный на плечи его товарищей. Те слова, что слетели с его губ, эхом разнеслись по коридорам, передаваясь от одного раба к другому и потрескивая в вокс-передатчиках на дальних сторожевых постах. В кузницах его приказ заглушил грохот молотков и треск дуговой сварки.

Космические Волки всегда воевали где-то в необъятной галактике, но каждое объявление о предстоящем сражении встречалось одинаково. Как и в те дни, когда племена Фенриса барабанили копьем по щиту и вынимали клинок из ножен, одна-единственная фраза слетела с уст всех, кто слышал зов Логана.

Бладхаер.

Час крови. Военное время. Призыв к оружию, столь же древний, как и язык, из которого пришло это слово.

Сообщение опередило Ньяла, так что, вернувшись в свою руническую комнату, он обнаружил Железного Жреца Альдакрела, ожидавшего его за дверями в сопровождении группы рабов и вооруженных слуг. Ньял и Алдакрел обменялись молчаливыми кивками приветствия, десятилетия этого ритуала затмевали любую потребность говорить. Железный Жрец прикрепил к своим доспехам безглазый шлем, боевая пластина которого была окрашена в красный цвет в честь его связей с Адептус Механикус Марса. Точно так же оружейные рабы закрывали глаза капюшонами в масках. Алдакрел подал знак готовности, и Ньял открыл рунный замок, отступив назад, чтобы пропустить Железного Жреца и его помощников. Сервиторы молча топали за ним, их чувства уже хирургически привыкли к психическим эманациям, которые текли через комнату.

Войдя, Ньял закрыл за собой дверь, в то время как Алдакрел и рабы приготовились у стойки с доспехами, двигаясь без особых усилий, несмотря на затуманенное зрение. Наизусть и на ощупь они знали каждую заклепку, сегмент и шов боевой пластины Ньяла. Позади Стормкаллера двигался сервитор, снимая с него меха и капюшон, обнажая покрытую шрамами плоть, ограниченную толстыми мышцами. Под восковой кожей виднелся темный слой черного панциря - последняя хирургическая операция, превратившая его из воина племени в космодесантника, достойного Адептус Астартес. Гнезда и интерфейсы для его брони разрывали плоть сморщенными кольцами, блеск металла казался чужеродным на фоне цвета его кожи.

Он стащил с себя сапоги и оставил их. Подойдя к военному доспеху, он повернулся лицом к костяному креслу, где столкнулся с осколком Иззакара Орра. Присутствие колдуна вспыхнуло. Он казался ближе, яснее в этом месте. Вспышки золотой энергии искрились вдоль рун, в то время как команда по вооружению продолжала, не обращая внимания на психическую активность вокруг них.

+Всё, что мы пытались разоблачить, теперь окутывает всё, что мы построили.+

Ньял чувствовал, как внутри поднимается отвращение, хотя оно и не было вызвано его мыслями.

+Суеверия и ритуалы заменили прилежную практику и точные церемонии. Вы так же слепы к тому, чем манипулируете, как и эти куклы, которые одевают вас.+

Ньял ничего не сказал, не желая говорить в присутствии рабов Железного Жреца. Шипение отстегивающихся пластин за спиной вернуло его мысли в настоящее. Он поднял руки в стороны, и началась облицовка внутренних пластин, сначала обшивка живота, бедер и предплечий.

+Ты можешь защитить свое тело, но твой разум остается уязвимым, глупый шаман. Я слышал обвинения твоих предшественников, лицемерие в их критике наших знаний. Все вы - гремучие кости и бормочущие сны. Не лучше, чем колдуны орков.+

Ньял продолжал молчать. Он не позволит Изакару утолить свой гнев. Думая о разорении, которое было принесено Просперо за его прегрешения, было легче игнорировать оскорбления колдуна.

Основные части боевой пластины, прикрепили к его проколотой плоти. Острая щепотка разъемов пронзила его нервы. В глазах закипала боль, а в ушах гудело. Авточувства вспыхивали статикой через зрение и слух, еще не подключенные к полному сенсорному массиву силовой брони: конфликт искусственных и естественных чувств. Он оскалил зубы, когда в ушах зазвенел скрежещущий звон.

- Слуховой ввод работает, - прошептал он.

- К сожалению, Стормкэллер. Должно быть, он не был должным образом деактивирован, когда мы в последний раз снимали ваш скафандр, - поспешно извинился Альдакрел, его пальцы манипулировали пультом управления в открытой задней части боевой пластины. Через секунду пронзительный звук прекратился.

+Каково это - заглядывать в варп и видеть только туманные тайны? Не видеть ничего из величественных варп-ландшафтов и бесконечных возможностей, которые открыл Алый Король? С Магнусом в качестве нашего гида мы пересекли Радужный Мост из ваших сказок в свете костра и исследовали его девять царств и далее. От Просперо Тысяча Сынов смотрела в мир чудес, в то время как сыны Фенриса читали внутренности и бросали кости. То, во что вы верили как мифу, мы сделали реальностью.+

- И все же ты не заметил нашего приближения, - подумал Ньял, плотно сжав губы, чтобы не сорваться с них ни единому слову. Изакар никак не отреагировал на это проклятое пренебрежение. Возможно, доказательство того, что он не может заглянуть в мысли рунного жреца. Но рассеянность Стормкэллера была очевидна, его выбор времени с помощниками был ошибочен. Сервитор прохрипел в замешательстве, ища предплечье, чтобы охватить его наручем, но обнаружил, что оно не в том положении. Ньял быстро поднял руку, не осознавая, что уронил ее.

+Ты думаешь, что можешь защитить свои мысли от опасностей эмпиреев, но у тебя едва хватает дисциплины, чтобы защитить свое тело. Неудивительно, что моя душа сама была привлечена к вакууму твоих мыслей.+

Ритуал был так же связан с ним, как и его доспехи, и вмешательство Изакара нарушило это. Ньял начал петь боевые оды, которые он выучил в первые дни после прибытия в Клык, внося ясность и своевременность в свои движения и мысли.

Его голос стал басовитым, ниже слуха рабов, хотя Алдакрел слегка напрягся, узнав его. Нял произнес несколько стихотворений, вспоминая себя у руля драконьего корабля, направляющегося сквозь пики и впадины бурного моря. Ритм этих слов был похож на удары волн о корпус корабля. Железный Жрец добавил свой голос, чуть повышенный, как завывание ветра, бьющегося о мачту и Канат.

+Я не могу представить себе пагубного влияния боя на твою умственную остроту. Если ты...+

Воспоминание заглушило болтовню Иззакара, и впервые с тех пор, как он обнаружил присутствие колдуна, Нял ощутил мгновение спокойствия и утешения.

- Что беспокоит ум, беспокоит и тело, - сказал Алдакрел.

- Это правда, - ответил Нял, но больше ничего не сказал, скрывая свое смятение от дальнейшего неожиданного озарения. Железный Жрец не стал настаивать и продолжил процесс облицовки в привычной тишине, комнату нарушали только скрежет оружия, скрип сервоприводов, когда Нял проверял свою накопительную пластину, и топот сапог рабов по выложенному кристаллами полу.

Наконец Нял был заключен с ног до головы в громадную массу тактической дредноутской брони; слои пластали, адамантия и керамика равнялись легендарной броне Логана. Он поднял свой посох, пальцы в латных перчатках сжались вокруг рукояти, словно сжимая запястье вернувшегося друга.

Нял повернулся и поднял последний компонент - похожий на паутину узор из тонких кристаллических нитей, подвешенный несколькими более толстыми кабелями. Он надел психический капюшон на голову, позволив ему уютно устроиться в волосах, а затем приказал Алдакрелу присоединить интерфейс. Проворные пальцы Железного Жреца быстро установили связь, и он отступил назад, все еще защищенный от этого зрелища, когда эфирная энергия замерцала вокруг рунного жреца.

Дух Няла перетек в его посох и боевую броню. Руны загорелись силой, сверкая красным, янтарным и золотым, создавая потенциал. На фоне гула энергии скафандра тонкий поток психической энергии прошелестел по пластинам. Стормкаллер напрягал свои ментальные способности, одновременно тренируя пучки волокон и приводы. Молния потрескивала от кончика пальца к кончику, и сияние неземной синей энергии окутывало его тело, превращая значительную защиту терминаторской брони в почти непробиваемую личную крепость. На грани слышимости завывали волчьи духи, направляя его разум в варп.

Мысленным щелчком он подозвал Найтвинга к своей поднятой руке. Псайбер-ворон уселся там, ошестинившись перьями от помех.

- Сражайся хорошо, Стормкаллер, - искренне произнес Алдакрел. - Принеси честь этому оружию и победу ордену.

Психический капюшон подавил скрытое раздражение Иззакара, оставив лишь дрожь в глубине мыслей рунного жреца. Воодушевленный спокойствием, Нял Стормкаллер вышел из залов вирдов, чтобы найти свою судьбу.

В Клыке было много больших залов, а также много спален, медицинских отсеков, оружейных и пушечных батарей. Он мог похвастаться многочисленными сторожевыми башнями, складами, волчьими домиками и вирдвардами, снабженными более чем дюжиной летных отсеков, кузниц и мануфактур. Нялу показалось, что все они были опустошены в ответ на призыв Великого Волка к оружию. Его оперативная группа медленно собиралась в Зале Длинных Клыков, недалеко от восточных ворот и шаттлов над ними.

Противоречивая смесь гордости и печали боролась внутри рунного жреца, когда добровольцы вошли, некоторые поодиночке, другие небольшими группами. Ассортимент всех мыслимых обитателей аэтта Космических Волков.

Во-первых, присутствовали космодесантники, которые были искалечены, неспособные занять позицию в регулярной боевой стае. Большинство из них имели по крайней мере один бионический протез – хрипящие, неуклюжие изделия из пластали и проволоки, обшитые керамитом и полированной бронзой. Это были воины, которые были собраны вместе в разгар битвы, их плоть и кости были подобны изуродованным боевыми шрамами системам звездолета, отремонтированным достаточно хорошо, чтобы сражаться, но обреченным на небоевые роли по возвращении.

Все они держались с гордостью, их глаза блестели от перспективы еще раз увидеть битву. Умы были гораздо более склонны к этому, чем тела. Они шаркали ногами, неуклюже ковыляли и прихрамывали, выстраиваясь в неровные ряды, словно для осмотра. Мрак зала сверкал грубыми бионическими глазами и гудел от жужжания гидравлики и шипения громоздких пневматических приводов.

Сотни рабов тоже откликнулись на зов, истолковав призыв Великого Волка как повод оставить свои тягостные обязанности в Клыкe. Рабы всех возрастов и способностей служили ордену во всех великих ротах и флотах, и для них не было ничего необычного в том, что они находились близко к сердцу битвы.

Однако эти рабы, как и ветераны, были теми, чья неудача во время посвящения не убила их, а сделала неспособными служить в зоне боевых действий, или просто теми, кто был слишком молод или стар, чтобы служить в торпедных отсеках ударного крейсера или работать на орудийных палубах боевой баржи. Одеты в простые рубахи и туники, они держались как могли, некоторые из них были такими же седовласыми, как Ульрик, другие едва достигли возраста, когда у них на щеках и подбородке выросли пушок.

Еще несколько космодесантников оторвались от лечения помощников и сервиторов аптекариона. Ходячие раненые. Некоторые все еще с окровавленными повязками на головах и обрубках конечностей, другие с внутренними повреждениями, спрятанными внутри брони, поспешно возвращенной из кузнечных залов. На глаза Ньялу попался один из них, с повязкой и пластиком на лице и голове. Его доспехи были помечены как жоака стаи Серых Охотников из Великой Роты Драконов. Ньял знал его. Действительно, он стоял не более чем в трех метрах от них, когда орочьа ракета разорвала его шлем и разнесла в клочья половину лица и черепа.

-Вальгартр? - Стормкаллер шагнул ближе, протягивая руку. - Я польщен этим символическим жестом, но ты не в том состоянии, чтобы снова сражаться так скоро.

Жоак стаи встретился с Ньялом взглядом своего единственного здорового глаза, льдисто-голубого и пристального.

- Никакого жеста, Повелитель Рун, - сказал сержант. Он посмотрел на окружающих, показывая, что говорит от лица всех. - Мы можем сражаться. Мы будем сражаться, как любой брат Фенриса.

Ньял скрыл свое смятение и подумал, не вернуться ли к Великому Волку, чтобы отказаться от своего желания отправиться на Просперо.

- Это могучие Космические Волки? Должно быть их покалечило ударом, нанесенным твоим вероломным кузенам за то, что они предали Магнуса и его последователей. +

- Твой мир - прах, твой легион - прах, - прошептал Ньял. - Я бы хорошенько подумал, прежде чем

хвастаться нанесенными ранами.

И все же колкости колдуна укрепили Ньяла в мысли о том, что должно произойти. Если это будет его приказ, пусть будет так. Все они были Космическими Волками, и это было самое главное. Они охотно отдали бы свои жизни за Всеотца и орден, и это был его долг – его право и привилегия – руководить ими.

Другие присоединились к ним, ожидая приказа на посадку: техножрецы, поклявшиеся в союзе с Космическими Волками, сервиторы, созданные в гротескной пародии на людей-машин; трое измученных Волчьих Скаутов, только что вернувшихся из долгого патрулирования в варп-штормах. Другие разные остатки ушедшего Отделения.

Чем больше он думал о предстоящей задаче и о компании, которую ему предстояло составить, тем лучше становилось его настроение, обратно пропорциональное любой объективной оценке его шансов на победу.

Стормкаллер определил тех из контингента, кто обладал некоторыми лидерскими навыками – по личному знакомству или знакам ранга – и поручил им начать организовываться в боевые стаи. Все речи были хороши для поддержания боевого духа и братства, но Ньял знал по долгому опыту, что организованность и преданность деталям выигрывают больше сражений.

Несмотря на эту истину, требовалось также и ораторское искусство.

- Великий Волк сказал, что мы станем легендой, и он был прав. Любой дурак под началом Всеотца может выиграть битву с полудюжиной Великих Рот, звездолетов и танков. Чтобы победить, нужны герои, когда все остальное потерпело неудачу. Героев я вижу перед собой. Каждый из вас вылеплен из военных грез самого Русса. Волчий Король не мог бы и мечтать о большем собрании храбрости, решимости и воинского духа. Саги будут петь долгие годы в честь этого дня и грядущих дней.

Склепы Древних гудели от редкой смеси статики и древности. Пройти по священным залам значило приблизиться к одному из величайших воинов Фенрису, окруженному гудящими механизмами, которые удерживали его и его менее почтенных спутников привязанными к сфере смертных. Ньял не мог не обратиться мыслями к Всеотцу, восседавшему на золотом троне Терры и поддерживаемому подобными, но невероятно величественными технологиями.

Широкий коридор вел к главному хранилищу, круглому пространству в несколько десятков метров в поперечнике. В центре стояли корпуса дредноутов, бронированные ходоки вдвое выше рунного жреца и такие же широкие. Их массивные, похожие на плиты тела были украшены эмблемами, рунами и тотемами из волчьих шкур,

раскрашенными в цвета, которые они носили как боевые братья. В центре один дредноут стоял чуть в стороне, остальные располагались в соответствии с его важностью. В центре каждого из них была пустота, в которой, словно внутренности, висели отсоединенные кабели и трубы.

Ньял предпочел не подходить к пустым металлическим корпусам боевых машин, а вместо этого повернулся к металлическим саркофагам, стоявшим вдоль стены. Как и боевые машины, частью которых они были, они также были украшены на фенрисиийский манер, украшены волчьими черепами и резьбой из клыков. Ньял быстро нашел то, что искал. На главной плите был изображен волчий череп поверх двух перекрещенных костей, а внизу на свитке было написано имя правителя. Одно-единственное имя, но такое благоухающее для любого, кто прошел через Клык. Один лишь шепот его вызывал в воображении саги о величайших героях и битвах.

Бьорн.

Ньял посмотрел на панель рядом с саркофагом. Жизненные показатели, которые он показывал, были едва ли ниже уровня бодрствования, обитатель гробницы еще не вернулся в глубокий стазис после вторжения Магнуса Красного. Стормкаллер заколебался, раздумывая, правильно ли было снова будить Бьорна, так скоро после его недавних сражений.

У Ньяла не было выбора. Никто другой не знал Просперо так, как знал его Бьорн, никто другой из Космических Волков не ходил по легендарным улицам Тизки.

Он медленно поднял соседний рычаг, выключая стазисное поле, проецируемое в камеру Бьорна. Огни сменялись красным и янтарным, переходя в зеленый, а внутри гробницы Бьорн пробуждался ото сна. Ньял отступил назад и встал перед окулярным устройством над саркофагом, показывая себя древнему воину.

Из решетки громкоговорителя послышался голос, медленный и неторопливый, испорченный искусственной модуляцией, но все же обогащенный глубоким тембром.

- Когда Владыка Рун приходит ко мне, я знаю, что ситуация ужасна. Скажи мне, Стормкаллер, почему ты нарушаешь мой покой?

- Тысяча Сынов.

- Они так скоро вернулись? - Ньялу показалось, что он уловил нотку удивления в голосе Бьорна. - Циклоп?

- Не в этот раз, Разящая Рука. Мы идем к ним. На Просперо.

- От Просперо ничего не осталось, Стормкаллер. Мы разрушили его во гневе своем.

Ньял колебался, не зная, что сказать о своем необычном состоянии и назойливом присутствии Изакара.

- Портальный Лабиринт уцелел. Старый Волк поручил мне собрать силы, чтобы вернуться и прорваться в лабиринт, освободив братьев, запертых внутри.

Из динамика донесся странный шум. Звук был похож на скрежет шестеренок, и Ньял понял, что это был смешок.

- Когда я слышу «старый волк», я думаю не о Логане, а о другом. Первом, который носил это имя. Булвайф Седобородый, Ярл дрекк-тра, когда горел Просперо.

- Мы ищем Булвайфа, Разящая Рука. Он и его старая гвардия не вернулись вместе с остальными из тринадцатой роты. Они связаны в Портальном Лабиринте и не могут вырваться оттуда.

Бьорн ничего не ответил, и Ньял проверил био-дисплеи, чтобы убедиться, что остатки его физического тела все еще находятся в сознании внутри саркофага. Все читалось как обычно, и он напомнил себе, что Разящая Рука жил, в некотором роде, уже десять тысяч лет. Он был не из тех, кто делает поспешные комментарии, хотя в битве он сражался с той же яростью, которой, как утверждали саги, обладал, когда был молодым Кровавым Когтем. Он существовал в ином временном интервале, чем смертные воины, его мыслительные процессы протекали в более обдуманном темпе.

Динамик снова ожил, Голос Бьорна звучал тихо, почти задумчиво.

- Я помню пирамиды из хрусталя, разбивающиеся вдребезги, и огонь, нисходящий с небес. Пронзительный ветер и молнии, которые грозили смертью. Мы плыли через чужое море, ища гибели другого легиона, с силой Всеотца за нашими спинами. Можешь ли ты представить себе катаклизм легиона, обрушивающегося подобно буре на крепость другого, Стормкаллер?

- Я не могу. Такой ярости не видели уже десять тысяч лет, Разящая Рука.

- Нет, - Голос Бьорна звучал приглушенно и печально. - В тот день мы сломали Тысячу Сынов и их мир, но сломалось и кое-что еще. Я сражался клинок к клинку с воинами, которых когда-то считал родственниками другого отца. Мы с радостью выполнили приказ Всеотца, но нехорошо тревожить призраков, которых мы навлекли на Просперо.

«Правда ли то, что он говорит? Что стало с Магнусом и Тысячей Сынов? Всё здесь затемнено, просачивается сквозь туман завесы».

Ньял не обратил внимания на колдуна и стал обдумывать слова Бьорна, находя в них ответ.

- Ты не пойдешь со мной?

- Я не вернусь на Просперо, Стормкаллер. С прошлым покончено.

Рунный жрец знал, что лучше не спорить. Никакие новые призывы не поколебали бы Бьорна и были бы неуважительны. Помня о споре, который разгорелся между ними с Ульриком, Ньял заставил себя согласиться с решением космического волка.

- Очень хорошо, Разящая Рука. Нам будет очень не хватать твоего когтя.

Он двинулся к пульту управления стазисом, но механическое ворчание остановило его.

- Оставь меня ненадолго в сознании, Стормкаллер, - решетка громкоговорителя задрезжала, плохо имитируя вздох. - Я пока не хочу возвращаться в забвение. Я сообщу Жрецам Кузницы, когда захочу спать.

- Конечно, почтенный древний.

- И еще одно, - сказал Бьорн, когда Ньял уже повернулся, чтобы уйти.

- Да, Разящая Рука?

- Не позволяйте спасательной операции превратиться в жажду мести или возвращение к прошлым битвам. Найди старую гвардию и приведи их домой. Все остальное - тщеславие.

Ньял кивнул, соглашаясь с этим советом, хотя и не был уверен в его важности. Очевидно, у Бьорна был свой взгляд на вещи, отличный от всех остальных, кроме Всеотца, Волчьего Короля и предателя Магнуса. Он принял эти слова близко к сердцу и ушел, оставив склеп почти мертвых в тишине.

Подготовка экспедиции продолжалась, пока мастера кузнечных мастерских рылись в своих самых глубоких запасах, чтобы снарядить воинство рабов. Ветераны тренировались с неокровными претендентами, в то время как техножрецы зажигали духи машин дремлющих гигантских автоматов, которые были похоронены в глубинах нижних уровней Клыка. Через сорок восемь часов после заявления Логана Гримнара экспедиция была почти готова к отправлению.

Великий Волк сам вызвал воинов в Большой Зал. Под знаменами прошлых поколений, глядя широко

раскрытыми глазами на трофеи и фамильные ценности, выставленные на всеобщее обозрение, магистр ордена чествовал рабов. Эль приносили из подвалов многовековые ветераны, чтобы подтвердить связь со своими новыми воинами-сверстниками. Каждый космодесантник нёс полную кружку или кубок, сделанный из черепа или других останков поверженного врага. Для тех, кто не обладал пищеварительными имплантами космического десантника, эль разбавляли водой и разливали в простые стальные кружки.

Логан поднял пенящийся на краях рог, позолоченный сосуд, снятый с головы чудовищного орочьего зверя, которого он в одиночку убил. Разрозненное собрание подняло свои сосуды для питья в ответ.

- Здесь собираются великие роты Космических Волков, - начал Логан, указывая другой рукой на столы и большое кольцо в центре зала, начертанное на массивных камнях символами правящих волчьих лордов. - Вы пришли отовсюду, но ни из одного места, чтобы искать потерянных. Все путешествия ведут в неизвестность, ибо будущее — это непостоянное море для плавания. Воды, в которые вы войдёте, окутаны густейшим туманом. Скалы и звери ждут, без сомнения, слоняясь в темноте. А выйдя на чужой берег внутри, вы окажетесь в стране еще более удивительной.

Он прошел по камням Великого Кольца и остановился на своем символе - защитниках Фенриса - волчьей голове, воющей на фоне темной луны. Круглый камень в центре был обращен к нему, символ волка, который крадется между звездами, указывая на его ранг Великого Волка. Его взгляд скользнул по символам других камней роты - Кровавые Пасти, Черногривы, Железные Волки, Сыновья Моркаи и другие - и задержался на черном камне, который представлял пропавшую 13-ю роту.

- Вы здесь не представлены, и вам здесь не место, но в душе вы - Великая Стая. Как таковой, ваш лидер является волчьим лордом, среди его других хорошо заработанных титулов. У скальдов должно быть имя для вашей саги, пение которой наполнит эти залы на многие поколения и распространится по землям наших предков. Не мне давать вам это имя, а вашему господину выбирать его.

- Я бы не осмелился, - сказал Ньял со своего места за высоким столом.

- Мантия скромности плохо сидит на твоих плечах, - упрекнул его Великий Волк. - Ты знаешь легенды нашего народа лучше, чем кто-либо другой. Выбери свой тотем и назови свою стаю.

- У меня есть имя - Стормкеллер, - настаивал Ньял. - Я был польщен им с тех пор, как оно было даровано мне.

Логан ничего не сказал, но из собравшейся компании донеслось недовольное бормотание и рычание. Вожак стаи Вальгарт поднялся на ноги и вытащил из-за пояса топор с длинным лезвием.

- Мы не можем плыть через чужое море без имени, Повелитель Рун, - запротестовал он. Остальные ветераны дружно кивали и стучали по столам, а рабы с недоумением наблюдали за происходящим, не зная, как себя вести, - он указал на наплечник своей брони. Ньял увидел, что она пуста, символ Драконоубийцы был покрашен серо-голубым цветом ордена. Остальные тоже сняли свои прежние знаки отличия великой роты. -Я чувствую себя голым без моей этт-руны.

- Очень хорошо, - согласился Ньял, когда требования стали более частыми и громкими. Он мысленно вернулся к самым ранним воспоминаниям о том времени, когда за ним еще не пришли небесные воины. - Дядя рассказывал мне одну историю, когда я еще ребенком сидела у него на коленях в ту ночь, когда мой отец погиб в бою. Он сказал, что дух моего отца был взят Валькирией, чтобы скакать в бурях между мирами, вечно сражаясь с врагами Всеотца. Мы пойдем с нашими предками в эту бурю. Мы - Всадники

Бури.

Космодесантники одобрительно взревели, и более высокие голоса рабов присоединились к ним, восхваляя это решение. Логан Гримнар широко улыбнулся, осушил свой рог одним большим глотком и поднял пустой рог к собранию.

- Всадники Бури! - закричал он.

Ответные рёвы, топот ног и грохот кружек по столам соперничали с компанией, во много раз превосходящей их по численности.

Когда громкое одобрение стихло, со стороны больших дверей раздался одинокий голос:

- Великолепно! Можете на меня рассчитывать!

Все взгляды обратились к вновь прибывшему. Он был одет в доспехи Космических Волков. На нем были отметины кровавого Когтя, хотя его обладатель был явно старше, чем можно было ожидать от такого новичка. У него была густая рыжеватая грива волос, короткая узкая борода и такие же пышные усы. Нос у него был заостренный, щеки и лоб неровные. Наиболее заметной была неискренняя усмешка, расплывшаяся по его лицу.

- Да поможет нам Всеотец, - прорычал Ньял. - Лукас.

Глава 5: Зов Ловкача

Войдя в зал, Лукас коротко кивнул в знак уважения возбужденным ветеранам и еще раз - Великому Волку. Он подошел к Стормкаллеру, который уставился на новоприбывшего с глубокими морщинами на лбу, хотя Лукас не мог понять, смущен он или раздражен.

- Похоже, это своего рода попытка... миссия... приключению нужна каждая пара умелых рук, - Лукас повернулся, приложил пальцы к губам и резко свистнул, дважды. Из коридора за большими дверями донесся топот сапог, и через несколько секунд появилась группа из семи молодых Космических Волков. Их бороды были короткими, волосы заплетены в сложные косы и заколоты в честь яркого стиля их приемного вожака стаи. Отметины на серой броне были Кровавыми Когтями, самым низким рангом воина после получения их черных панцирей, чтобы стать полноценными космодесантниками. - Я привел с собой друзей, и это говорит в мою пользу, не так ли?

- Где ты нашёл этих людей? - спросил Великий Волк. Он ткнул пальцем в сторону Кровавых Когтей, указывая на большие символы компании на их наплечниках. - Эти воины из клана Железных Волков! Эгиль знает, что они с тобой?

- Я позаимствовал их, - осторожно ответил Лукас. - Эгиль Железный волк, вероятно, еще не заметил их отсутствия. Кроме того, я боюсь, что мы отклоняемся от точки моего своевременного вмешательства. Мои друзья, бывшие Железные Волки, и я оказались без задания. Эта прогулка на Просперо кажется идеальной.

- Прогулка?! - рявкнул Ньял.

Лукас поспешно продолжил, глядя на Логана:

┌-----┐
| - Если только ты не хочешь, чтобы мы отправились с тобой на встречу с Ночными Волками, Великий Волк? |
└-----┘

Выражение ужаса, а затем и негодования, омрачившее лицо Логана Гримнара, было достаточной наградой, но предложение - или угроза - возымели желаемый эффект.

- Ловкач прав, Ньял. Все эти войны — это благо для твоего дела.

Стормкаллер не отвел взгляда. Он зашагал по коридору размеренными шагами. Из-за какой-то акустической уловки или, возможно, тонкой игры змей его шаги звучали как раскаты грома, в то время как казалось, что светильники и факелы потускнели, отбрасывая длинные тени от приближающегося рунного жреца. Когда Ньял остановился перед Лукасом, плут почувствовал, как по его коже пробежал холодок, словно он стоял в тени солнечного затмения. Глаза Стормкаллера горели крошечными огоньками, вонзаясь в череп Лукаса.

- Я принимаю твое предложение, Шакал-Волк, - слова Ньяла странно отдавались в голове Лукаса. - Даже если бы я запретил, я думаю, что ты все равно пришел бы. Если ты станешь хоть чуть-чуть раздражать нас, если твое присутствие мешает нашим приготовлениям или мешает нашим планам, я навлеку на тебя такую страшную смерть, что сам Волчий Король побледнеет при одной мысли об этом.

- Конечно, - ответил Лукас, с трудом сдерживая улыбку. Он изо всех сил старался выглядеть и говорить искренне, но природа одарила его лицом и тоном, которые

поддавались сарказму, как бы он ни старался. - Я хочу только служить Всеотцу так, как умею лучше всего.

Ньял быстро поднял палец, заставив Лукаса вздрогнуть. Вирдфир играл вокруг его кончика, образуя крошечный портрет Лукаса, черты которого были искажены агонией.

- Самый страшный смертный приговор, какой только может придумать смертный разум, Шакал-Волк. Я ясно выразился?

Лукас кивнул, не решаясь заговорить. Стормкаллер обратил свое серьезное внимание на Кровавых Когтей, все еще толпившихся у ворот. Их приподнятое настроение испарилось под его сердитым взглядом.

- Вы молоды и полны энтузиазма, чего и следовало ожидать, - сказал им Ньял. - Но вы несёте бремя долга так же, как и любой воин здесь. Вы - Космические Волки, Сыновья Русса, Повелители Фенриса. Ваша честь - это честь нашего братства. Запятняйте его, и мы все запятнаны. Я не стану просить вас бросить этого глупого чемпиона, за которого вы ухватились. Я знаю, что его манеры кажутся привлекательными для молодых и впечатлительных умов. Я предупреждаю вас, что вы разделите с ним те гезы, которые я наложил на него. Сражайтесь хорошо, и вы станете легендами. Обидите меня - и я вас погублю.

Испуганные этими словами, Кровавые Когти перевели взгляд на пол и зашаркали ногами. Лукас чувствовал, как угасает их дух, и ему было больно видеть, как их энтузиазм так жестоко подавляется, вместо того чтобы быть обузданным. Он бочком подошел к ближайшему столу и выхватил кружку у ближайшего воина, бросившись прочь, когда хмурый Космический Волк сделал выпад за своим элем.

- Давайте восславим это начинание и новых членов Всадников Бури! - заявил Лукас, поднимая кружку к своим Кровавым Когтям. Их настроение улучшилось, когда другие Всадники Бури, столкнувшись с

необходимостью опозорить тост, если они не поддержат его, подняли свои собственные кружки с ворчанием и рычанием. Многие смотрели на Лукаса с тем же усталым терпением, к которому он привык, но некоторые смотрели на него с нескрываемым отвращением, обнажая клыки, в то время как их глаза метали угрозы, столь же страшные, как и предупреждение Няля.

- Нам нужно подготовиться, - сказал он своей стае, прежде чем одним глотком осушить содержимое кружки. Он бросил пустой сосуд обратно его владельцу, который поймал его с грубым взглядом. - Нам нужна краска и боеприпасы! В оружейную, мои братья Кровавые Когти!

Он выпроводил их из большого зала, размахивая руками. Прежде, чем произошло что-то неладное. На пороге он остановился и повернулся, низко поклонившись большой компании. Его глаза блуждали по их лицам, видя написанные на них апатию и антипатию. Внимание Лукаса на мгновение привлек Гримнар, который наблюдал за ловкачом с таким выражением лица, словно следил за беспорядочным полетом вторгшейся болотной мухи. Наконец, он встретился с немигающим взглядом Стормкэллера.

Он хотел ответить ему искренним взглядом, заверить его, что он не поставит под угрозу миссию и что цель Всадников Бури - это и его цель тоже. Лукас хотел сделать это так, как он знал, что это может быть сделано, видя, как другие обмениваются такими взглядами, их бессловесный смысл был известен в одно мгновение.

Вместо этого он подмигнул, лукаво скривив губы.

Лукас изобразил улыбку, отчаявшись в собственном поведении, и быстро вышел, не осмеливаясь заметить реакцию рунного жреца. Он помчался вслед за уходящими Кровавыми Когтями.

- Клянусь, это проклятие, - пробормотал он себе под нос.

Корабль был найден, что значительно улучшило настроение Няля. «Длинный Коготь» был быстроходным ударным кораблем, оставленным на орбите Фенриса из-за отсутствия подходящей команды после вторжения Тысячи Сынов. У него был варп-двигатель, каскад десантных капсул, несколько орудийных башен и немного еще, но этого было достаточно для нужд Всадников Бури.

Под наблюдением Вальгарта и Стормкэллера шаттлы начали выводить отряды на орбиту. Первым был небольшой отряд опытных рабов пустоты, посланных подготовить путь для остальных. Складские баржи забирали все, что можно было сэкономить, чтобы заполнить магазины и трюм, причем большая часть пространства была отдана оружию и боеприпасам, а не удобствам или провизии.

Настроение Няля еще больше поднялось, когда ему нанёс визит Альдакрел. Железный Жрец подошел к Стормкэллеру, наблюдая, как с летного поля взлетает еще один шаттл ветеранов.

- Я иду с тобой, - сказал Железный Жрец таким тоном, что стало ясно: он решил, что спорить не будет. - Кто-то же должен поддерживать твою боевую форму и поддерживать дух корабля.

- С нами путешествуют три техножреца, - ответил Няля. - Ты бы лучше послужил в походе Великого Волка.

- Тебе нужен Железный Жрец, а ему нет, - сказал Альдакрел, и на этом все закончилось. Он зашагал прочь, а слуги и сервиторы пришли в движение по молчаливо переданному приказу, в то время как их хозяин приказал командовать следующим десантным кораблем, выходящим на орбиту.

Утверждение Железного жреца напомнило Нялю о другом человеке, который ему понадобится. Он

покинул причал и направился обратно в Клык, быстро пробираясь в каюты, отведенные для членов Навис Нобилите.

Через широкий мост, перекинутый через одно из многочисленных внутренних ущелий клыка, вход был закрыт воротами. Портал охранялся отрядом солдат, верных навигаторам. Они носили богато украшенные силовые доспехи, выкованные из золота в подражание аурамитам Императорских Кустодиев, хотя их обитатели были нормальными мужчинами и женщинами, выросшими в трущобах Терры, их семьи были связаны с династиями Навис Нобилите древними пактами. Они были обучены боевыми братьями ордена, прежде чем им позволили отправиться на Фенрис, хотя их преданность была прежде всего дому Велизария.

Подобно залам вирдов и пилястрам астропатов, каюты навигаторов были надежно защищены от варпа. Ньял ощущал гнетущую силу психических оберегов, встроенных в башни и помещения за сторожкой, давящую на него, как тяжесть горы.

+Я это тоже чувствую, зудом за глазами не обладаю.+

Гвардейцы Нависа подняли силовые копыя в знак приветствия приближающемуся космическому волку. Их офицер шагнула вперед с почтительным поклоном, ее лицо было наполовину скрыто черным забралом высокого шлема. Опустившись, она взмахнула пурпурным плащом, а другая рука легла на рукоять меча, висевшего у нее на поясе.

- Добро пожаловать, повелитель Фенриса, - сказала она, выпрямляясь. - В настоящее время помещения навигаторов закрыты для посетителей.

- Кто живет внутри, Доррия? - спросил Ньял, извлекая имя офицера из своей малоиспользуемой памяти.

- Навигатор Ремео и избранный навигатор Маджула, - ответила Сан Артис Доррия Лекс Виндулеус. - Они нездоровы.

- Мне нужен штурман. Мы уезжаем в сумерках.

Доррия сместил свой вес к ней другую ногу, неудобно.

- Есть какие-то проблемы с моей просьбой?

- Навигатор Ремео дал мне понять еще до вашего приезда, что не будет помогать вам в вашем путешествии на Просперо. Вы не можете требовать, чтобы члены навис Нобилите напрасно рисковали своей жизнью.

- Ясно, - Ньял держал себя в руках. Злиться на Доррию было бесполезно, она была всего лишь вестницей этой новости, а не ее источником. - Передайте навигатору Ремео, что я настаиваю на соблюдении условий соглашения между домом Велизария и Космическими Волками. Если он не желает быть моим проводником, возможно, он злоупотребил гостеприимством на Фенрисе.

К ее чести, Доррия никак не отреагировала на скрытую угрозу, а просто кивнула головой.

- Я передам штурману Ремео ваше желание составить ему компанию в предстоящем путешествии.

- Тогда я больше ни о чем не прошу тебя, Доррия. Ты хорошо исполняешь свой долг.

И, не сказав больше ничего по этому поводу, Ньял ушел, настроение его сильно испортилось.

- Ты нужен Великому Волку, Арджак.

В словах Алрика Думсикера не было ничего странного, когда он стоял на пороге тхегнхалле, его терминаторские доспехи освещались мерцанием огромного очага. На нем был шлем, и лица его не было видно. Точно так же его тактическая боевая броня дредноута скрывала все, кроме самого очевидного языка тела.

И все же краткий вызов - не просьба, как обычно делал Логан, когда имел дело со своим защитником - пришел в неподходящее время. Арджак вернулся не более чем через час после своего похода во внутренние земли и даже сейчас ждал, когда оставшиеся, сильно перегруженные работой рабы оружейной комнаты освободят его от боевой брони.

- У Стормкаллера есть нужда, - добавил Алрик, объясняя многое всего лишь четырьмя словами.

- Да, тогда мне лучше уйти, - сказал Арджак, вставая из-за укрепленной скамьи и стола, где он ковырялся в широком блюде. Он допил последнюю кружку эля и направился к двери.

- Вульфхалле, - поправил его Алрик, когда Арджак повернул налево, к залу королей.

- Понятно, - сказал Арджак. Логан редко разговаривал с ним в его личных покоях. Арджак был его защитником и лишь изредка советником. Его отношения с феал-лордом в основном происходили на виду у публики или на открытом собрании. Присутствие одного только Великого Волка говорило о чем-то более личном, чем его долг главы волчьей гвардии Ночных волков.

Длинными шагами и лязгающим конвейером он пересек ярусы Клыка, направляясь вверх из залов Ночных волков. Это было неудобно, что Великий Волк был расквартирован в том, что когда-то было владениями Волчьего Короля, в то время как его Великая Компания делила очаг в другой части Клыка. Это затрудняло работу телохранителя, но, несмотря на уговоры Арджака, Логан отказался нарушить традицию и поселить своих ветеранов во внутренних залах замка.

Арджак увидел на посту Балдина из Красного Моря и Одина Фое-Руина. Они молча впустили вожака своей стаи в присутствие магистра ордена.

Логан сидел в стороне за большим письменным столом, заваленным прозрачными пластиковыми листами и пергаментными пачками. Он хмуро смотрел на отчеты о материально-техническом снабжении и материалы от астропатов со свирепостью, обычно приберегаемой для самых страшных врагов на поле боя.

- Как Эльсинхольм? - спросил он, вставая со своего широкого кресла, и на его лице отразилось облегчение оттого, что он на минуту освободился от более обременительных обязанностей командира.

- Холодно, - ответил Арджак. Повсюду на Фенресе было холодно. Старая шутка, но она позволила им улыбнуться друг другу. Настроение Арджака отрезвело. - Мутантный штурмвирм, ныне покойный.

- Доброе дело.

- Не совсем так, - Арджак знал, что ему позволено высказывать свое мнение в любое время. Как чемпион, он должен был говорить только правду, защищать честь своего феал-лорда, а также свою личность. - Перед Магнусом... До вторжения эльсинхольмцы выследили бы его без посторонней помощи, даже если бы их было немного. Повсюду люди страдают, и не только в своих потерях, но и в своих сердцах. Они так много страдали. Даже больше, чем могут вынести фенрисиисы.

- Тогда, возможно, им нужна новая сага, чтобы поддержать их слабеющий дух. История, которая показывает, что Космические Волки и Фенрис не запуганы.

- У вас есть новости о победе? - это было типично для Логана Гримнара, заботящегося о моральном состоянии своих людей так же, как и об их физических нуждах. - Наши экспедиционные силы чувствуют себя хорошо?

- Немного, - ответил Логан. Он подошел к тяжелому свинцовому окну и посмотрел на белизну, его силуэт вырисовывался на фоне бледного света. - Но я говорю не об этом.

- Видение от Стормкallера?

- Да, - Логан, казалось, колебался с ответом, что было необычно. Он взвешивал свои слова так же тщательно, как кладовщик считает выданные ротам боеприпасы. - Развитие. Возможность.

- Тебе не свойственно скрывать свои слова, Великий Волк. Говори прямо.

Логан обернулся, его лицо исказилось от беспокойства.

- То, что я тебе скажу, не должно быть передано никому другому. Это должен знать только ты один.

- Клянусь честью, - согласился Арджак, хотя сердце его упало. Он не любил секретов. Из них редко получалось что-то хорошее, хотя он знал, что некоторые знания - например, угроза хаоса - сами по себе вредны.

- Я не совсем понимаю, но Ньял Стормкallер поймал в ловушку фрагмент другого существа в своих мыслях.

Следующий вдох Арджака застрял у него в горле, его руки сжались в кулаки. Так недавно столкнувшись с перспективой демонической активности, он был потрясен, обнаружив угрозу в самом сердце Клыка.

- А что это за существо? - он с трудом мог поверить, что должен был задать этот вопрос, и его сомнения высказались сами собой. - Что за существо могло завладеть Стормкallером?

- Колдун из Тысячи Сынов, - Логан потер подбородок. - Именно грубая ошибка Ньяла привела к такому ужасному положению.

Логан ждал, оценивая Арджака в поисках знака понимания. Каменный Кулак кивнул Великому волку, чтобы тот продолжал.

- Мы еще можем отличить хорошее от плохого. Ньял возвращается на Просперо, в обезумевший от варпа лабиринт, который заманил в ловушку Булвайфа и его старую гвардию из тринадцатой роты.

- Еще один Вульфен?

Логан пожал плечами.

- Нам придется подождать и посмотреть. Ньял думает, что сможет открыть лабиринт и освободить наших заблудших братьев с помощью этого пассажира-вирда, и я разрешил ему собрать добровольцев для этой работы. Ты будешь добровольцем, Арджак.

- Я чертовски уверен, что нет, - возразил Каменный Кулак. - Я твой защитник, твой хартегн, и твой телохранитель останется с тобой. Ты скоро присоединишься к Ночным волкам, так что мое место, долг

моей стаи - рядом с тобой.

- Это гораздо важнее.

- Я не согласен.

- А я и не спрашивал, - огрызнулся Великий Волк, впервые за несколько десятилетий потеряв самообладание, что Арджак видел впервые. Чемпион отступил назад, словно на него напали, уязвленный невоздержанным замечанием своего феал-лорда.

- Мне очень жаль, - сказал Каменный Кулак. Он слегка наклонился, виновато глядя в пол. - Я нарушаю свой долг, Великий Волк.

- Да, Арджак, - сказал Логан, и его гнев потерял свою остроту. - Мне нужен Ньял в эти темные времена. Ты должен защищать его так же, как и меня.

- Конечно, - было что-то еще, намек на незаконченную фразу в манере Великого Волка. - Если он так важен, почему ты не прикажешь ему избавиться от этого колдуна?

- Нам нужен каждый воин. Если мы сможем вернуть еще тринадцатого, то сможем сражаться и в других битвах.

- Но вы также надеетесь на что-то большее?

Гримнар вздохнул.

- Это глупая надежда, - признал он, возвращаясь к своему столу и перебирая бумаги. Он поднял пресс-папье из черепа орка и повертел его в толстых пальцах. - Возможно... может быть, удастся найти что-нибудь про Волчьего Короля. Варп изрыгнул демонов и освободил вульфенов спустя десять тысяч лет. Разве это безумие - надеяться, что Волчье Время настанет и Русс вернется, чтобы снова возглавить нас?

- Это не безумие, - сказал Арджак. Он подошел к в пределах нескольких шагов. - Но в этом нет необходимости. Неуверенность в себе должна быть чужой у твоего очага, Логан. Вы - величайший лидер, которого этот орден видел за тысячелетия. Если кто и может провести нас через эти темные времена, так это вы.

- У меня есть одна забота, - продолжал Великий Волк, с глухим стуком опуская череп обратно на стол. - Присутствие в мыслях Ньяла может стать еще более пагубным. Это прямо или косвенно влияет на суждения Ньяла. У этого колдуна есть план, и мы не можем предположить, что Стормкаллер будет действовать против него.

- Вы хотите, чтобы я следил за отклонениями от нормы?

- Если будет похоже, что Ньял сдался, ты должен действовать. Мы ищем союзников, а не новых врагов. Мне кажется, что это такая же ловушка, как и возможность, но риск должен быть принят. Если понадобится, ты мой топор.

- Я напомню Стормкаллеру о его клятвах и обязанностях, - сказал Арджак. - Если он отвернется от ордена или потеряет контроль, я прикончу его.

Логан кивнул и отвернулся, чувствуя себя неловко от этого разговора.

- Что-нибудь еще? - спросил Арджак.

Великий Волк покачал головой, отпуская Каменного Кулака своим молчанием. Волчья Гвардия была уже почти у двери, когда Логан снова заговорил:

- Иди с честью.

- Я так и сделаю, - ответил Арджак, но когда он вышел наружу и Балдин закрыл дверь, Арджак подумал, что в ближайшие дни честь будет в дефиците.

Он почувствовал запах крови прежде, чем увидел предательские багровые пятна на снегу. Мягко ступая по сугробам, его босые ноги тонули в приветливом холоде плотной белизны, он опустился на колени рядом с каплями. Ветер кусал его обнаженную плоть, быстро и свежо налетая с холмов на севере. Его порывы раскачивали сосны, которые теснились вокруг замерзшей реки недалеко впереди.

След от брызг крови тянулся в сторону леса. Повернув голову, он увидел остатки вмятин на снегу, где произошла схватка - покрытые свежим снегом, но видимые его острому зрению.

Лукас протянул руки, изучая свои когтистые ногти, и зачерпнул забрызганный кровью снег. Он снова принюхался, наслаждаясь запахом. Огненный лось. Глубоко вдохнув, он вдавил лед в лицо, наслаждаясь холодом, его усиленное тело было готово к любой угрозе обморожения. Он провел пальцами по волосам, подняв их шипами, как пойманное пламя, и пригоршнями потер свое покрытое шрамами, татуированное тело. Стоя, чувствуя, как лед и вода падают с него, словно горный великан из легенды, Лукас обратил свой взгляд в темноту под деревьями. Теперь он мог отследить следы, линию красных расплавленных капель, оставленных для него.

Он пустился бежать вприпрыжку, легко пересекая заснеженную землю. От его дыхания за спиной клубился туман - миазмы, которые ловили умирающий свет солнца и заставляли воздух искриться красным и оранжевым.

Достигнув линии деревьев, он замедлил шаг.

Ветви деревьев скрипели под тяжестью снега, изредка прерываемые глухим стуком падающего на землю сугроба и каплями ручейков, стекающих по трещинам скалистой серебристой коры. Тропа извивалась вокруг нескольких стволов и исчезала во мраке. Запах крови стал свежее. Он слышал вялое журчание почти замерзшей реки и свист ветра в камышах на берегу.

Его обостренное обоняние предупреждало о чем-то еще.

Сильный запах плоти и неприятного запаха изо рта, мокрой шерсти и мочи. Громовой Волк.

Осторожно пробираясь между упавшими ветками и выступающими камнями, Лукас крался к реке, окутанный тенями. Он слышал, как челюсти работают над костью, как рвется кожа и рвутся мышцы. Его тяжелое дыхание заразило его энергией, даже более бодрящей, чем снежная буря.

Он упал на четвереньки - его живот почти касался земли, и мускулы напряглись под его аугментированной кожей. Он вытянул шею, чтобы увидеть и учуять добычу. Обогнув сосновый ствол, он вышел на берег реки. Между скалами и участками высокой ледяной травы вилась охотничья тропа. Он прополз еще немного, крадучись с подветренной стороны, по камню у самой кромки замерзшей воды.

Два желтых глаза смотрели на него из дупла, над рядами клыков в изогнутой губе. С прижатыми ушами и поднятой шерстью Громовой Волк даже не моргнул, когда Лукас придвинулся еще ближе, тихо опустившись на Землю совсем рядом.

Дупло было усеяно частями тела оленя. Кровь и кишки валялись рядом со шкурой и оленьими рогами на тропе и льду. Морда Громового Волка покраснела от работы, но он видел, что его желудок истощен, и узнал голодный блеск в его глазах.

Варг-Ульф.

Вирдоиспорченный, доведенный до безумия потребностью в пище и неспособностью сделать это, подстегиваемый ненасытным аппетитом бессмысленно убивать. Изгнанный из своей стаи за нападение на других, оставленный умирать жалкой, безумной смертью.

Лукас подкрался ближе, не сводя глаз с Громового Волка. Его туша была даже больше, чем у него – плечи на высоте головы. Шкура была серебристо-черной, с белыми волосками вокруг морды, гривы и хвоста.

- Ты уже стар, чтобы впасть в кровавое безумие, не так ли? - прошептал Лукас, спокойно и ободряюще, его движения были изучением неопасного поведения. - Я могу помочь тебе с этим. Да, я могу помочь этому безумию уйти.

Громовой Волк расхаживал взад и вперед, не зная, что делать с незнакомцем в его присутствии. Лукас понимал его неуверенность. Он никогда по-настоящему не знал, как вести себя с другими. Слишком непокорный для стаи, слишком общительный, чтобы быть одиноким волком.

За исключением того, что здесь, голый под небом и снегом, он был самим собой. Кровь, которая текла по его венам, была жидкостью Фенриса. Дух, оживлявший его смертную оболочку, был тем же самым, который принес сюда Волчьего Короля, когда тот был младенцем, чтобы его воспитали волки. Это была любимая сага Лукаса о Руссе – его детство в стае, до того, как он научился ходить как мужчина.

Лукас поднял ляжку, которую волк оторвал от тела и выбросил. Когда он поднес мясо к губам, на свободном лоскуте кожи выступила кровь. Клыки Лукаса вонзились в сырую плоть, кровь потекла по бородавчатому подбородку и каштановой груди. Он быстро прожевал и проглотил большой кусок, прежде чем откусить снова, проглотив следующий кусок почти без паузы.

Он выпустил окровавленное мясо из пальцев.

Громовой Волк заскулил, увидев зверя, который был внутри Лукаса, узнав родственного Варг-Ульфу. Два таких монстра обычно сражались, но приближение Лукаса сбило животное с толку. Не было никакого вызова, чтобы на него можно было ответить, оставляя Громового Волка в противоречии с самим собой.

Пальцы Лукаса сомкнулись вокруг осколка оленьего рога, когда он присел на корточки. Его глаза не отрывались от зверя, но голова слегка склонилась набок, низко и покорно.

Рычание, басовитое урчание из глубины горла Громового Волка, предупредило о сомнениях, переходящих в оборону. Лукас остановился в двух метрах от существа, ноги и голени которого были покрыты кровью из внутренностей, через которые он пробирался. Чудовище внутри Лукаса, проклятие Канис Хеликс, которое таилось в груди всех Космических Волков, беззвучно выло в его голове. Он грыз его оставшееся сердце и вопил, чтобы освободиться от человеческой плоти, которая была обернута вокруг него.

Лукас бросился вперед.

Сломанный конец рога легко врезался в горло Громового Волка, одним ударом вырвав глотку и трахею.

Горячая кровь хлынула из раны, когда Лукас по инерции бросился вперед. Он врезался в падающего монстра, подняв его тушу в сторону от удара.

Они упали в снег среди шлейфа льда и красноватой жизненной жидкости. Лукас вытащил свое импровизированное оружие и снова вонзил его, пронзив ребра и сердце.

Отпустив рога, Лукас отполз назад, ища глазами в Громовом Волке хоть малейший признак жизненной силы. В горле у него пересохло, он жаждал крови, которая хлынула из ран и побежала вниз по склону между ног Лукаса.

Он наклонил голову и лакнул один раз, потом второй.

С рычанием он отстранился. Повернувшись, он соскользнул с берега на твердый лед у кромки реки. Скольжение по неумолимому холоду принесло некоторую ясность. Покачав головой, он забарабанил кулаками по льду. Тот треснул, и он ударил снова, и снова, стуча костяшками пальцев, пока не прорвался в холодную воду внизу.

Лукас нырнул головой и грудью в пробитую дыру, ощущение было такое, будто он на полной скорости врезался в стену. Она притупляла чувства, вытесняя из него неразумный анимизм его генетики. В пустоте человек вынырнул наружу через приторное желание голода крови.

Задыхаясь, Лукас шлепнулся на лед, кровь засыхала на его теле, пока падал свежий снег. Он смотрел вверх, на красное, ползущее в синеву закатывающейся ночи, на горстку звезд, все еще ярких сквозь просветы в снежных облаках.

- Всеотец... - прошептал он.

Лукас уснул.

Высоко над Асахеймом, полярной областью Фенриси, сумерки были странным временем. Ньял стоял один на выступе скалы, закрыв глаза, и последние лучи солнца ласкали его лицо. Небо мерцало глубокой синевой, звезды были скрыты танцем Авроры. На короткое время солнечные лучи омыли верхние башни Клыка, сырые и резкие. Скоро вращение Фенриси снова унесет солнце за облака, и снова наступят сумерки, переходящие в кромешную тьму.

Рассвет и закат измерялись мгновениями, когда незапятнанный солнечный свет падал на эмблему Волчьего Короля, венчавшую самую высокую вершину цитадели. В такие моменты казалось, что крепость — это корабль в море огня, а клубы пара, словно волны на носу корабля, проносятся мимо.

Иногда воины ордена отдыхали снаружи, под меланохроматической аугментацией их кожа быстро темнела под интенсивным излучением, пока они пили эль и отдавали дань небесному огню. Но не сегодня, потому что Ньял в одиночестве наблюдал за сумерками, чувствуя, что вот-вот погрузится в свою собственную долгую ночь.

Он помнил Времена Огня, когда вулканы и землетрясения разрывали земли и моря, рождая новые долины и горы и поглощая старые. Время разрушения, но также и созидания.

В сознании фенрисицев разница была невелика. Рождение было лишь началом путешествия к смерти, которое нужно было смаковать и праздновать каждое мгновение. Изменчивый мир породил людей, которые верили только в реальность мгновения и признавали свое собственное физическое непостоянство. Только честь, только наследие остались неизменными.

Ньял знал больше, чем кто-либо другой, о гордой истории своего ордена, саги врезались в его память так же верно, как руны были вырезаны на его посохе. Великие герои, начиная с самого Волчьего Короля и кончая Логаном Гримнаром, славились своим мастерством в битвах и мудростью в советах.

Оставшись один на этом мысу, Ньял почувствовал себя обманщиком. Всадникам Бури ничего не было сказано о его затруднительном положении, только о попытке спасти старую гвардию Булвайфа. Интересно, какие из саг, которые он мог бы выучить наизусть, имели столь же злоешие катализаторы?

Но он не мог думать о своей глупости. Та же культура, которая ценила момент, создала и оппортунистов. Ошибка Ньяла была чем-то, что он должен был вынести, но шанс прорваться в Портальный Лабиринт превратил помеху в преимущество.

Вокс-бусина в его ухе зажужжала, нарушая ход его мыслей. Он открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть облачный огонь на его вершине, переходящий из ночи в день. Несколько секунд он стоял один в океане горящего тумана.

Бусина снова зажужжала, как внимание болотного комара, настойчиво и раздражающе.

- Да? - ответил он, и при звуке его голоса включился звукосниматель.

- Наш навигатор прибыл, Стормкаллер, - сообщил ему Вальгарт.

- Хорошо, - Ньял не был уверен, что эта новость была достаточно срочной, чтобы сержант связался с ним. Что-то было не так. - Есть еще что-нибудь?

- Вам лучше прийти в стартовый порт, - продолжал вожак стаи, и по его тону было ясно, что не все в порядке.

Ньял подавил вздох, гадая, какие новые мучения постигли экспедицию.

- Иду, - ответил он, когда свет начал тускнеть.

Когда Лукас проснулся, он сел, разрывая кожу и волосы, которые замерзли до льда. Он склонился над сделанным им бассейном и опустил руки в воду. Частицы инея уже начали сползать с краев, чтобы закрыть рану во льду. Он оторвал когтями кусочки лосиной плоти и поскреб кровь Громового Волка, очищая его кожу от всех следов своей снисходительности. Очистившись, он встал и стал ждать, пока успокоится потревоженная вода.

Его отражение было отражением мужчины.

Человек, созданный рукой древнего, полумертвого полубога, но все же человек. Высокий и худощавый, по крайней мере, если судить о нем по сравнению с его огромными братьями, морщинистый шрам на груди выделялся среди множества боевых ран и фенрисииских татуировок, покрывавших его кожу.

Лукас поднял руку к старой ране, чувствуя твердые края имплантированного устройства.

- Не в этот раз, волчий брат, - сказал он своему отражению. - Спи спокойно.

Он изучал свое собственное лицо, пытаясь найти признаки монстра, который прятался за его глазами. Там ничего не было, и его обычная веселая ухмылка вернулась.

Глава 6: Иноморье

В зале посадки было тихо, он казался пустым после событий предыдущих дней. Спеша в бухту, Ньял обратил внимание на одинокого техножреца, который вел группу сервиторов по трапу ожидающего десантного корабля. Шипение поршней и лязг ног отдавались эхом по металлическому полу, почти теряясь в ворчании работающих на холостом ходу двигателей орбитального катера.

Валгартр ждал неподалеку с пятью другими космическими волками, их левые наплечники блестели свежей краской, волчья голова на фоне скрещенных молний – символ Всадников Бури. То же самое было на железных значках для рабов, носимых в качестве талисманов поверх их полудоспехов, а также символы были нарисованы на нескольких машинах и боевых кораблях, которые оружейный склад смог выделить для суровой и готовой роты.

Повязки вожака стаи были заменены формованной керамитовой пластиной, так что казалось, что половина его лица и головы - череп. Глазница светилась зеленым простым бионическим светом, придавая его странному облику еще более неземную ауру.

Рядом с ними в две шеренги стоял отряд навигаторской гвардии. Доррия ждала чуть в стороне вместе с невысокой фигурой, закутанной в темно-красную мантию и объемистый капюшон. В тени капюшона Ньял увидел лицо молодой женщины, возможно, не старше восьми фенрисиийских долгих лет - шестнадцати, как считалось на Терре. Ее глаза ярко выделялись на темной коже, обведенной такими же красками, как и ее платье, а также на губах. Руна Дома Велизария была выжжена на ее левой щеке, шрам пронизан серебристой нитью, с которой свисали крошечные рубиновые капельки, похожие на кровь. Серебряная лента на ее лбу подтверждала то, что говорили ему другие чувства - навигатор. Ее силы были подавлены, легендарный третий глаз спрятан за защитным рукавом, но ему все равно казалось, что она испускает разноцветные пары клубящейся энергии.

Одна ноздря была проколота серебряным гвоздиком. Когда навигатор оглядывал стартовую палубу, Ньял заметил, что в сумраке капюшона время от времени мелькают золотые серьги, свисающие из странно маленьких ушей. Навигаторы были сильно генетически скрещены и инбредны, и он задавался вопросом, какие еще физические странности были скрыты под одеждой.

- Ты не Ремео, - сказал Стормкаллер, хмуро глядя то на Вальгартра, то на юношу.

- Я навигатор-элект Маджула. В этом путешествии я поведу вас через варп.

Ньял стиснул зубы, переваривая это сообщение, и, подняв бровь, посмотрел на Доррию.

- Ты можешь обращаться прямо ко мне, повелитель рун, - чопорно сказала Маджула. Рядом с ней Доррия заметно поморщилась за забралом.

- Я не спрашивал разрешения, - сказал Ньял. - Почему здесь нет Ремео?

- Я добровольно взялась за это дело, повелитель рун, - ответила Маджула.

- Добровольно вызвалась?

В фасаде равнодушного превосходства юной леди появилась трещина, выдававшая волнение.

- Навигатор Ремео решил запретить мне присутствовать при заключении договора между домом Велизария и Космическими Волками. Тем не менее, я настояла.

- Ты всего лишь навигатор-элект. Ты раньше управляла кораблем?

- Конечно, повелитель рун, - она говорила правду, но Ньял почувствовал неуверенность и продолжал настаивать.

- В одиночку?

Ее нерешительность была единственным ответом, в котором нуждался Стормкеллер, и он заговорил снова, прежде чем Маджула успела ответить.

- Нет, только как часть команды, - ответил за нее Ньял.

- Я веду родословную от самых могущественных членов дома Велизария, - настаивала навигатор, сжимая кулаки в широких рукавах своего одеяния. Она ответила на недоверчивый взгляд Ньяла вызывающим взглядом, и он почувствовал взрыв психической силы, похожий на барабанный бой в затылке. Если бы она сняла повязку, ему пришлось бы пройти суровое испытание, чтобы противостоять разрушительной силе ее третьего глаза.

Он кивнул с кривой улыбкой.

- Очень хорошо, навигатор Маджула. Ты будешь нашим проводником.

Мимолетная улыбка быстро сменилась сдержанной маской, которую Маджула изобразила ранее. С напускной властью она повернулась и пошла к ожидавшему ее шаттлу. Доррия рывкнула команду своему отделению, и они повернулись, чтобы последовать за ней.

- Что это такое? - Крикнул Ньял офицеру. Она повернулась назад, махнув гвардейцу, чтобы тот следовал за своей госпожой.

- Маджула, может быть, всего лишь «избранный навигатор», но она интерановус Целестарха, по прямой родословной не меньше.

- Значит, она выше Ремео по званию?

- Это сложно, - ответила Доррия. - В пределах дома - да. Маджула достигла возраста расставания, совершеннолетняя по закону Дома, хотя ей еще предстоит самостоятельно пилотировать свой первый корабль и взять на себя роль полноценного навигатора. Вот почему она так нетерпелива, я думаю. Мы защитим ее, как и обещали, есть и другие, которые будут охранять Ремео.

Глухие шаги прервали любой ответ, привлекая внимание Доррии, Ньяла и других Космических Волков к конвейеру в дальнем конце посадочного зала. Ворота скользнули в сторону, открывая широкую фигуру дредноута. Вынырнув на свет бухты, явилась многоствольная штурмовая пушка, установленная на одной руке, а также длинный боевой коготь на другой - безошибочно узнаваемая боевая машина Бьорна Разящей Руки.

Он с грохотом двинулся вперед по укрепленному настилу, а за ним от транспортера отделились еще двое бронированных ходоков, щеголявших огромными кулаками и тяжелым оружием.

- Я передумал, Стормкеллер, - объявил Бьорн. Его бронированный торс изогнулся в поясе, и массивный коготь поднялся, указывая на две другие боевые машины. - Я привел старых товарищей. Гримр Разящий Кулак и Олаф Трижды Убитый.

- Я хорошо знаю их саги, - сказал Ньял. Действительно, Разящего Кулака и Трижды Убитого почитали почти так же, как самого Бьорна. Стормкаллер встретил приближающийся дредноут и понизил голос. - Я думал, ты никогда не вернешься на Просперо.

Ответ Бьорна был попыткой заговорщицкого шепота, хотя его внешней системе обращения не хватало тонкости, чтобы сделать это, его слова звучали на уровне обычной человеческой речи, так что они разнеслись по почти безмолвной бухте.

- Вы отправляетесь в родной мир наших величайших врагов, чтобы ворваться в порожденный варпом лабиринт снов и кошмаров в сопровождении оборванной компании рабов и серогривых. И, если мои слуховые системы правильно определили только что прошедший разговор, вы сделаете это, отправившись в плавание на корабле, пилотируемом непроверенным подростком, - огромный саркофаг наклонился ближе, и динамик затрещал, когда Бьорн попытался понизить голос еще больше. - Думаю, тебе понадобится любая помощь.

Свет звезды Фенриса был не более чем еще одним холодным мерцанием во тьме пустоты. Через одиннадцать дней полета «Длинный коготь» наконец достиг пределов гравиметрических помех от тел системы. Среди имперских ученых он назывался мысом Мандевилля, а для Космических Волков - Заливом Невозврата.

Отсюда корабль активирует варп-двигатели, разрушая барьер между реальностью и нереальностью. Скользя из материального в нематериальное, заключенный в поле Геллера - пузырь смертной физики, заключенный в психическую оболочку. Длинный Коготь падал в иноморье, чтобы дрейфовать по его странным течениям и приливам.

Пока готовились к прыжку, Ньял лично осмотрел корабль. Хотя его контингент был невелик, он несколько превосходил транспортные возможности быстроходного ударного корабля, так что рабы и воины занимали места для ночлегов в коридорах и опустошали складские отсеки. Его Космические Волки уже были в полном боевом настрое, используя свои каталептические узлы для последовательного отдыха частей своего мозга, так что они не нуждались в регулярном сне. Те, кто не был представлен в компании, делили койку между теплообменниками и трубами охлаждения, на вибрирующих корпусах генераторов поля Геллера и вокруг гудящих плазменных реле. Они меняли смену каждые шесть часов, чтобы освободить место для другой, живя в объятиях тепла и аромата друг друга.

Когда Ньял добрался до середины палубы, коридоры перед ним расчистились. Его огромная броня почти заполнила коридор - хотя и построенный для Адептус Астартес, Длинный Коготь никогда не предназначался для перевозки терминаторов, заставляя всех остальных уступить дорогу. По всему кораблю движение из обеденных залов в святилища и тренировочные полигоны тщательно контролировалось, чтобы большие группы воинов не двигались одновременно. В такие моменты он казался анархичным с потоками рабов, движущихся на корму в пространство вокруг машинного отделения или стекающих на оружейные палубы, чтобы освободить место для отрядов Космических Волков, направляющихся для проведения учений ближнего боя в главном боевом зале. И все же внешность была обманчива. Вальгартр и другие командиры отделений тщательно координировали все действия, не оставляя ничего на волю случая и не оставляя места для беспорядка.

Арджак встретил Ньяла неподалеку от своих покоев, ожидая его в узком пространстве между тремя коридорами и двумя лестничными клетками, достаточно просторном для них обоих.

- Все заблокировано для подготовки к прыжку, повелитель рун, - доложил ветеран Волчьей Гвардии. -

Экипаж и перевозимые воины собираются на своих постах. Вальгартр командует ярлдеком, - он сморщил нос. Запах от такого количества людей, собравшихся вместе, был уже значительным, подталкивая системы фильтрации к их пределу. Так же, как и средства омовения, приготовления пищи и водоснабжения. Для рабов и другой регулярной команды это было легким отвлечением. Для аугментированных космических десантников зловоние было вездесущим.

- Чем скорее мы отсюда выберемся, тем лучше. Некоторые из рабов жалуются на одышку. Производительность наших воинов будет снижена, если они будут использовать свои полуразумия слишком долго. Мы уже запустили наши системы утилизации брони, чтобы увеличить возможности корабля.

По галактическим меркам это было не слишком долгое путешествие между Фенрисом и Просперо. В обычных условиях расстояние можно было бы преодолеть двумя-тремя более короткими прыжками.

- Я надеюсь, что условия позволят нам совершить путешествие к Просперо одним прыжком, а если понадобится, то и двумя, - сказал Ньял другому Космическому Волку. - Чем быстрее, тем лучше. Руины Тизки не принесут особого облегчения. Воздух почти пригоден для дыхания, но это все. Кто знает, что мы найдем в Портальном Лабиринте. Мы пьем и едим только то, что берем с собой.

- Просто пересечь пропасть за раз, а? - сказал Арджак, почесывая подбородок. - Давай сначала туда доберемся.

- Ждите моей команды, - сказал Стормкаллер кивком головы.

- Ну конечно.

Арджак зашагал к главному мостику, оставив Ньяла подниматься на одном из транспортеров, которые доставили его на верхние палубы патрульного корабля. Высадившись из тяжелой подъемной клетки, он оказался на одной из двух галерей, примыкавших к покоям навигатора.

Впереди, через высокий бронированный иллюминатор, он мог видеть волчий нос корабля на фоне звезд. На корме вид был затемнен сиянием плазменных разрядов двигателей, в то время как ряд окон рядом с ним не открывал ничего, кроме заполненной звездами галактики.

Квинтет золотых фигур стоял на страже у входа в покои Маджулы - такое же количество войск Навис Нобилите стояло на страже на противоположной галерее.

- Избранный навигатор Маджула готовится к переходу, повелитель рун, - сказала Доррия, слегка меняя позу, чтобы перехватить его приближение к закрытой арке, ведущей в пилластр.

- Я знаю, - ответил Ньял. - Именно поэтому я здесь.

Тупиковая ситуация продолжалась в тишине в течение нескольких секунд, прежде чем Доррия смягчилась под неподвижным взглядом Стормкаллера. Он уловил легкое жужжание вокс-передачи, и ворота открылись.

- Мудра и прилежна, - сказал Ньял Доррии. - Вашей госпоже повезло, что вы у нее на службе.

Он нырнул в проем, его плечи едва умещались в щели. Широкая лестница с пологими ступенями вела наверх всего в нескольких шагах впереди. Он поднял глаза и увидел часть большого купола, звезды виднелись сквозь бронепластины. Он мог видеть смутное отражение красного, движущегося на фоне черноты, когда Маджула ходила взад и вперед, ее движение было быстрым от волнения.

- Если это так, то это заслуга нашего тренера по обмену, жоака стаи Стивра, - крикнула Доррия вслед Ньялу. - Он всегда говорил нам делать то, что нужно нашим начальникам, даже если их приказы не совсем точно выражали то, что нужно...

- Учение, достойное самого Волчьего Короля, - согласился Ньял.

Когда Найтвинг оглянулся через плечо, ворота с грохотом вернулись на место, и он начал подниматься по ступенькам.

Зал был круглым, прозрачный купол над ним был намного выше, чем стены, которые его удерживали, так что можно было чувствовать себя почти закрытым звездным полем. Это было большое пространство для навигатора по сравнению с некоторыми кораблями, которые он видел, учитывая скудость пространства на остальной части Длинного Когтя. При беглом осмотре стало понятно, почему, ведь зал представлял собой не только смотровой купол, но и спальни, кухню и зону отдыха. Как только варп будет прорван, вид под бронепластиной станет голым варпом - или настолько голым, насколько это возможно из-за вмешательства поля Геллера. Только Маджула, Ньял и горстка безглазых сервиторов могли оставаться там, не сходя с ума от этого зрелища. Таким образом, навигатор останется под присмотром санитаров-полумашин, и ее существование будет, по сути, одиноким на протяжении всего прыжка.

Маджула стояла вплотную к стене и обернулась, когда Ньял добрался до верха лестницы. На ней были те же одежды и плащ с капюшоном, что и тогда, когда он впервые увидел ее, но поверх них была накидана шаль из золотых кружев, украшенная сверкающими рубинами, изумрудами и сапфирами. Каждая из них мерцала не только физическим, но и психическим светом. Ньял не видел его раньше и предположил, что это усилитель для помощи неопытным навигаторам - что-то вроде его психического капюшона.

На лбу Маджулы за серебряной лентой оракула напрягся её третий глаз, а видимые глаза сузились.

- Я приказала, чтобы меня не беспокоили.

- Я могу быть очень настойчивым, - Ньял придвинулся ближе, но не настолько, чтобы его огромная туша могла испугать юную леди. Лишенный поддержки со стороны Стормкаллера, Найтвинг приземлился на перила наверху лестницы и погрузился в спячку. - В этом путешествии на карту поставлено нечто большее, чем ваше возвышение от навигатора-электа до полноценного навигатора. Первый переход мы совершим вместе.

- Я не знала, что библиарии Адептус Астартес могут быть навигаторами... - Маджула раздраженно поджала губы. - Я вообще не понимаю, зачем мне было приезжать, если это так.

- Я могуществен среди рунных жрецов Космических Волков, но даже я могу лишь смутно ощущать приливы и отливы иного моря. Свет Всеотца - это тепло в моем сознании, и если понадобится на короткое расстояние, я смогу управлять кораблем. Но этого будет недостаточно. Если мы хотим добраться до Просперо, мы должны пройти рядом с Великим Разломом, который разрывает галактику до самого ядра, - Ньял сделал еще один шаг и положил руку на плечо Маджулы, мягкую, как оседающий снег, несмотря на огромную перчатку, которая сжимала его пальцы, и потенциальную силу брони, которую он носил. - Просто переход. Вместе. После этого ты одна будешь моим навигатором.

Она расслабилась и кивнула в знак согласия.

- Я стоял у румпеля на ярлском корабле моего дяди с пятого сезона огня и льда, - сказал Ньял, делая шаг назад. Он посмотрел на звезды. - Мы скакали по горным волнам и плыли по берегам, клыкастым,

как чудовищный кракен. В пене и буре мы охотились на гелдвала вдоль берегов Северного Океана. Каждый долгий год Фенрис ломает себя. Императорские орбологисты называют это звездно-индуцированными сейсмическими потрясениями. Для свежего молодого матроса это гнев стихий. Небо окутано молниями и тучами. Гром - это воинственные крики огромных воюющих богов. Такой юноша может подумать, что наступил конец света. И вполне возможно, что кракен и левиафаны бездны ждут, чтобы проглотить тех, кто заблудился в глубоких водах.

- Как вы нашли дорогу? - тихо спросила Маджула, теребя тонкую серебряную цепочку на шее. - Когда ничто не вечно, как вы направляетесь домой?

- Нет ни одной карты Фенриса, достойной изучения. Ни один график не остается верным более одного сезона. Острова поднимаются и опускаются. Отмели, ручьи, фьорды и вулканы столь же существенны, как снег, тающий между пальцами. Поэтому мы учимся управлять кораблем инстинктивно, по запаху ветра, по вкусу соли и льда, по тому, как скользят доски под ногами.

- Это не так уж сильно отличается от того, что должны делать навигаторы, - сказала Маджула. - Течения, которыми мы управляем, никогда не бывают стабильными. Их скорость и направление меняются, приливы и отливы поднимаются и падают без предупреждения. Только Астрономикон является неизменным.

Рядом с ней стоял Ньял. Его взгляд несколько секунд блуждал по звездам над головой, пока не нашел то, что было примерно галактическим юго-востоком.

- Наша судьба лежит там, - тихо сказал он. - Свет звезды Просперо, которой сейчас около восьми тысяч лет, где-то в этом сиянии.

- Немного осталось, повелитель рун, - сказала Маджула, указывая пальцем. - Я сделала расчеты и изучила карты. Маяк Терры даже сейчас стоит в моих мыслях, горячий, яркий и любящий. Просперо в той стороне.

- Я исправлюсь, навигатор, - ответил он. Субвокальный шепот активировал его вокс-связь. - Вальгартр, пошлите сообщение техножрецам. Активируйте варп-двигатели.

- Да, Стормкаллер, готовлюсь к переходу.

Рунный жрец и навигатор несколько секунд стояли молча, ожидая момента, когда включится варп-двигатель.

Сначала было поле Геллера. В реальном пространстве его воздействие на необученных членов отряда было незначительным, но для психически осведомленных оно создавало эхо вирда, которое ползло от кормы к носу. Реальность внутри поля отражала теперь замкнутое физическое пространство, принося с собой неестественное чувство клаустрофобии.

Физически и умственно Ньял был приучен преодолевать все чувства страха и отчаяния, но его модификации космодесантника и его библиарная подготовка не могли полностью избавить его от ощущения ловушки, которое сотрясало его душу.

Он слышал, как быстро бьется сердце Маджулы, как она дышит короткими, неглубокими вздохами.

- Успокойтесь, навигатор, - сказал он командным тоном, который она не могла проигнорировать. Через несколько мгновений ее дыхание и пульс замедлились.

Поле Геллера полностью запечаталось, слегка вибрируя от кататонических мыслей бедного псайкера, заключенного в недрах корабля, чья душа обрабатывалась для создания защитного щита. Ньял держал свои мысли при себе, не желая касаться того кошмарного опыта, который пережила психическая батарея.

«Мы могли бы покончить со всем этим варварством, если бы нам дали больше времени».

Гнев Ньяла вспыхнул в ответ на внезапное вмешательство колдуна. Он думал, что присутствие Иззакара сдерживается психическим капюшоном. Маджула нервно заерзала.

- Ты это почувствовал? - спросила она.

- Сосредоточься на текущей задаче, навигатор, - сказал рунический жрец. Он чувствовал, как нарастает мощь варп-двигателя, альт-мерное жужжание, которое начиналось как вой, но постепенно переросло в гул. Варп-двигатель прижался к берегам другого моря. Давление внутри геллеровой оболочки усилилось, когда варп попытался вернуться в реальность.

Маджула стояла неподвижно, слегка расставив ноги, одной рукой придерживая застежку своего плаща в форме знака дома Велизария. Свободной рукой, она потянулась вверх и открыла свой третий глаз из-под повязки.

Ньял резко отвел взгляд, повернув голову так, чтобы не видеть ее лица даже в отражении. И все же в его памяти всплыло навязчивое зрелище бурлящей бездны во лбу навигатора. Он чувствовал на себе ее взгляд, испытующий и неделикатный, его прикосновение было подобно царапанью зазубренного гвоздя по его духу.

- Смотри не на меня, а в пустоту, навигатор, - сказал он ей, борясь с желанием усилить свои психические щиты. В этот момент он должен был быть открыт варпу, поддерживать контакт через поле Геллера - верить в его целостность так же, как и в собственную защиту.

Ощущение царапанья ослабло, когда Маджула отвела взгляд.

По звездному полю за куполом заплясали золотые вспышки статики. Крошечные дуги энергии ползли по мраморному полу с красными прожилками, ползли от стен к паре псайкеров. Броневые системы Ньяла задрожали, включились внутренние нагревательные жилы, чтобы компенсировать падение атмосферной температуры. Дыхание обоих псайкеров превратилось в туман.

Конфликтующие фронты давления нарастали друг против друга в сознании Ньяла. Толчок разрушителя пустоты против отталкивания не-пространства, лежащего по ту сторону пропасти. Он не мог не думать о каком-то непристойном рождении. Он чувствовал, как пробуждающиеся силы сжимают и управляют им, пластины его терминаторской брони бесполезны против нарастающего прилива. Он не мог сопротивляться, но должен был броситься на приливы и отливы.

Маджула ахнула от боли. Ньял не осмеливался взглянуть на нее. Его другое чувство убедило его, что ее дискомфорт был просто физическим, ее реакция на лед, который начал образовываться на броне и коже, когда температура упала еще больше.

Золотые звезды превратились в вихрь, танцующий по балдахину бронепласта, рисуя кричащие лица и горящие глаза в промежутках между выстрелами нейронов, существующих в промежутках между сознанием и бессознательным.

С последним импульсом психической эманации варп-двигатель взорвался на полную мощность, вырывая ключья реальности из пустоты перед Длинным Когтем. В этот момент главные двигатели заработали на полную мощность, и судно со скрипом ожило, подпорки заскрипели от напряжения, переборки задрожали. Вспышки энергии скользили по геллеровскому полю. Их прикосновение притягивало разум Ньяла, даже когда они втягивали Длинный Коготь в рану между мирами.

Найтвинг громко каркнул, взволнованный переменой. Маджула шептала мантры, не сводя глаз с открывшейся пасти варпа перед быстроходным ударным кораблем. Разноцветный вихрь кружился все шире и шире, но отверстие не росло – они приближались с увеличивающейся скоростью.

Толчок пронзил корпус и заставил купол петь от вибрации. Хор поднимался в небесной гармонии в течение нескольких секунд, прежде чем диссонанс разрушил мелодии, наполовину слышные визги и вопли, когда варп поглотил Длинный Коготь.

Геллеровское поле гудело в костях Ньяла, усиливаясь. Нереальность давила на барьер, и он чувствовал ментальный эквивалент протестующих бревен и воющих снастей в шторме-воспоминания, извлеченные из его прошлого, чтобы интерпретировать невозможные ощущения варп-помех.

Длинный Коготь неожиданно дернулся, когда из пролома вырвалась волна варп-энергии. Маджула легко прошла по наклонному полу и остановилась за барочным набором инструментов, похожим на нечто среднее между древним корабельным компасом, планетарием и паутиной. Она сдвинула и повернула гравированные медные диски и потянула за маленький рычажок, чтобы отрегулировать психическую отделку поля Геллера. Ньял почувствовал, как оно выпячивается к корме, действуя как нематериальный руль, толкая судно назад к потоку, несущемуся в пролом.

К этому моменту даже бездарные члены компании будут знать о психическом смятении, разливающимся вокруг них. Легкое головокружение. Зуд в мозгу. Дрожь по нервам.

Ньял гадал, заметили ли сервиторы что-нибудь из происходящего неестественного перехода. В конце концов, у них все еще были души, и в этом был смысл их обладания. Знали ли они, где-то глубоко и недостижимо внутри своих машинных мозгов, что покидают вселенную смертных и здравомыслящих и погружаются в то, что живым существам никогда не суждено знать? Пока они бормотали и сутулились, выполняя свои обязанности, была ли мгновенная пауза на границе реального пространства и варпа, пример беспокойства, которое не могла стереть никакая киберфикация?

Его мысли блуждали с определенной целью, чтобы отвлечь его внимание от вызывающего безумие столкновения реальностей, разыгрывающегося за куполом.

Деятельный ум держал в страхе более откровенные вопросы души. Человек не просто смотрел в бездну варп-прыжком, он охотно бросался в ее объятия. Самоанализ в такие моменты не был хорошей чертой.

- Переход совершается, - спокойно объявила Маджула, держа идеально наманикюренный палец на кнопке вокс-передачи, темно-красный ноготь напоминал каплю крови на золотом символе.

Варп поглотил их. Ньял увидел поток сверкающих фигур и больше ничего. Граница между реальным и нереальным была установлена снова. Благодаря пузырю смертной физики, варп казался движущимся, но спокойным потоком энергии.

+Какая ненужная драма. Ты знаешь, что император нашел другой способ путешествовать по галактике? Тот, который избавит нас от зависимости от этих отвратительных мутантов. Портальный Лабиринт - всего лишь отражение того звездного величия, человеческого погружения туда, где раньше ступали

Древние.+

- Что это такое? - спросила Маджула, не оборачиваясь, избавляя Ньяла от взгляда своего открытого третьего глаза. - Это бормотание?

- Я ничего не слышал, - сказал Ньял.

«Как легко ложь слетает с твоего лживого языка, пёс Русса».

- Ну вот, опять, - Маджула сделала несколько регулировок на панели управления перед собой, посылая навигационные инструкции вниз на мостик. Она надела повязку на голову и повернулась лицом к Стормкэллеру. - Я почувствовала чье-то присутствие. Мы должны провести полную диагностику поля Геллера.

- Ничего страшного, - сказал Ньял и в тот же миг понял, что сказал уже слишком много.

- Что это значит? - требовательно спросила Маджула, забыв в досаде о своем положении и приличиях. - Что это?

Ньял стиснул зубы. Он не был готов поделиться своей проклятой историей с этой девушкой.

- Причина, по которой мы едем на Просперо, - признался он, тщательно подбирая слова. - Кое-что осталось от Магнуса и Тысячи Сынов. Его нужно вернуть. Оно у меня в голове.

- Ты принес его на мой корабль?

- Мой корабль, навигатор.

- В этом зале мой корабль, повелитель рун. Ты стоишь на территории, принадлежащей дому Велизария из Навис Нобилите.

+Она дерзкая. В мое время навигаторы были более... уступчивыми. Похоже, вы позволили им взбеситься.+

- Я ошибся, - сказал Ньял, слегка склонив голову в знак извинения. - Мне и в голову не приходило, что о нашем присутствии станет известно, как только мы окажемся в варпе.

- Ошибка была в том, что ты вообще не сообщил мне об этом, повелитель рун, - надменно произнесла Маджула.

+Такого рода превосходство является результатом зависимости от инбридинга и генетических манипуляций.+

- Что он говорит сейчас? Это похоже на то, как если бы кто-то говорил в соседней комнате, не достаточно громко, чтобы различить отдельные слова, но достаточно громко, чтобы могло уловить ухо. Можно мне посмотреть?

Эти вопросы застали Ньяла врасплох, да и Изакара тоже.

«Какая интересная мысль. Она умнее тебя, волчий сын. Пусть попробует! Давайте выясним, что она видит этим третьим глазом».

- Думаю, что нет, - смущенно ответил Ньял. - Он спрятан глубоко внутри моей психической защиты. Я бы не хотел, чтобы вы совали туда нос, если вдруг что-то пойдет не так.

«Что это было?».

Ньял не обратил внимания на слова колдуна, но не смог подавить внезапного ощущения повышенной осознанности, физической реакции на тревогу. Маджула тоже вздрогнула и быстро отвернулась, сорвав с головы повязку, серебряная дуга упала на палубу, когда она окинула взглядом купол своим экстрасенсорным зрением.

«Разве ты не чувствуешь этого, варвар? Открой свои мысли!»

Подстегиваемый действиями навигатора и настойчивостью Иззакара, Ньял выпустил на волю капельку своего экстрасенсорного таланта. Найтвинг взлетел с его плеча, медленно описывая круг над куполообразным залом, пока мысли Ньяла исследовали имматериум за ним.

- Я чувствую это, - прошептал он. - Я это чувствую.

Он еще глубже погрузился в свои мысли, словно вглядываясь в мутный омут. Что-то в вихре энергии оглянулось.

«Они нашли нас».

Глава 7: Вторжение

Там, где был один, вскоре стало больше. Гораздо больше.

Они были похожи на угрей и скатов, хищников, похожих на акул, и бесформенные клочья, которые скользили по оболочке поля Геллера. Нематериальные зубы вгрызались в сферу реальности, бесшумно, но оставляя ощущение царапания в затылке. Найтвинг вернулся к поднятой руке Ньяла, когда Стормкаллер направил свой психический фокус за стены своей ментальной крепости.

Варп бурлил от активности, демоническая отмель была толще, чем все, что Ньял видел раньше. Сделанные из варп-вещества, окружавшего Длинный Коготь, хаотические сущности проявлялись и исчезали по прихоти, становясь целыми и рассеиваясь бесконечными толпами. Их метания становились все более отчаянными, неистовая активность, направленная на то, чтобы сделать дыру в поле Геллера и принести с собой царство кошмаров.

+Вы ввели корабль в быструю эксплуатацию наполовину неотремонтированным. Насколько вы уверены в его защите?+

Ньял активировал вокс и установил канал связи с Альдакрелом.

- Приоритетная команда. Немедленная проверка всех систем поля Геллера.

- Проблема, Стормкаллер? - протрещал ответ Железного Жреца.

- Лучше быть осторожным, чем заблудиться, - ответил Ньял, разглядывая бесплотные фигуры, извивающиеся под прозрачным куполом. - Если что-то не так, найдите это и исправьте без промедления.

- Так много... - пробормотала Маджула. К ней вернулась уверенность. - Их присутствие притупляет Астрономикон, и я не могу видеть поток варпа за пределами их бесформенной массы.

- Вы не можете управлять нами?

+Удивительно. Дрейфует в недоверии без пилота. Мы никогда не увидим Просперо. +

- Нет, я не могу управлять нами. Мы попали в бурю этих тварей.

Ньял внимательно наблюдал за роем, видя черные с золотом глаза, вглядывающиеся в него, пытаюсь проникнуть в то, что для них было туманом реальности точно так же, как варп был анафемой для физического зрения. Они чувствовали запах душ внутри, их голод заставлял их вспыхивать и разбиваться о заградительный щит. Маджула была не одна, он не видел ничего из сырого варпа, кроме кишащего потока мимолетных призраков.

- Сделайте все, что в ваших силах, навигатор, - сказал он Маджуле. - У вас есть карты.

- Карты, созданные до возвращения Циклопа, - вздохнула она. - До Великого Разлома. Все снова в движении. Вторжение вызвало множество волн в варпе.

+Что она имеет в виду? О каком вторжении она говорит?+

Ньял отошел от Маджулы, чтобы дать ей возможность сосредоточиться на своей задаче. Он говорил тихо, ниже ее слуха, но достаточно громко, чтобы Иззакар это заметил.

- Твой примарх - не то существо, которое ты помнишь, чародей. Он пал глубоко после того, как Волчий Король вышвырнул его коварных созданий. Он выторговал для вашего Легиона богохульную власть и жаждал отомстить тем, кто пытался остановить его скатывание к проклятию.

+Ты лжешь! Этого не может быть. Магнус был величайшим умом. Самый надежный проводник после самого Императора. То, о чем ты говоришь, - это слабость, слабость гораздо ниже Алого Короля.+

- Всеотец приказал тебе остановиться, и ты не сделал этого. Куда еще, по-твоему, приведет тебя твое падение? Высокомерие подпитывало твои поиски знаний, и ты проигнорировал предупреждения величайшего из всех нас. Твой хозяин стал якшаться с демонами и Темными Силами, и он принес эту тьму на Фенрис.

Не было ничего взамен, угрюмое молчание, которое терзало сердце Ньяла. Он не знал, верит ли ему Иззакар или нет, хотя колдун был в некотором смысле в состоянии отличить правду от лжи.

Дрожь разорвала его мысли о демонах. Они начали организовываться, объединяться во что-то более целенаправленное. Группами они бросились на поле Геллера. Клыки потрескивающей энергии и нематериальных шипов щелкали и царапали защиту, в то время как другие врезались в барьер, взрываясь в сверкающем паре, который разрывался бушующим потоком Иноморья.

- Они собираются ворваться, Повелитель Рун, - тихо сказала Маджула.

- Поля Геллера были спроектированы так, чтобы противостоять такой атаке.

- Я говорю не о беспочвенном страхе, - возразила Навигатор.

Она протянула руку, намекая чтобы он взялся за нее. Ньял положил массивную руку в перчатке на ее руку, ее тонкие пальцы обвилились вокруг двух его пальцев, одетых в керамику. Это был акт принятия, близость, а не физический контакт, который позволил ее мыслям скользнуть по его мыслям.

- Закрой глаза, - сказала она.

Он понял, что она имела в виду, и сделал, как она просила. Секунду спустя он почувствовал на себе белый жар ее третьего глаза. Он не зарывался в его мысли, вместо этого он вытягивал немного его

сознания в исследующий усик. Маджула отпустила его, а затем собрала, как привязь, используя его значительно большую ментальную силу в качестве якоря, в то время как она выпустила свои собственные мысли в пустоту.

Его разум следовал за ее разумом, искра в бушующем потоке. Они двигались осторожно, но быстро, стараясь как можно лучше скрыть свое присутствие, не желая привлекать внимание осаждавших их сил. Крики и скрежет рваных ран заставили Ньяла стиснуть зубы.

Мгновенное свечение, не более доли секунды, показало ему, что она обнаружила.

Трещина.

Не столько трещина, сколько разрыв в слоях поля Геллера. Это была минута, но Ньял знал, что оценка Маджулы была правильной. Со временем демоны найдут слабое место, и когда они это сделают, вся их сила будет направлена на то, чтобы преодолеть его.

Он отпустил ее, и их мысли вернулись на свои пути. Маджула ахнула от боли: разлука была неожиданной.

- Извини, - сказал Ньял, отворачиваясь, прежде чем открыть глаза.

- Вы можете исправить трещину?

- Я не знаю, как это сделать.

+Я могу. Это несложная вещь.+

- Альдакрел, сосредоточьте свои поиски на кормовых проекторах правого борта.

Колебание перед ответом Железного Жреца выдало его неуверенность.

- Ты что-то нашел, Стормкэллер?

Если бы он имел дело с командой нормальных мужчин и женщин, Ньял, возможно, предпочел бы скрыть правду, опасаясь вызвать панику и помешать усилиям по устранению угрозы. Альдакрел был не способен на такой страх, и ему нужно было знать правду.

- Покрытие поля Геллера несовершенно. Мне нужно, чтобы вы немедленно проверили кормовые проекторы правого борта.

- Да, я сам туда отправлюсь.

Вокс затрепал, отключаясь.

+Ты знаешь, что его поручение - пустая трата времени. Слабость нельзя исправить на расстоянии. Есть другой способ. Вы должны сами запечатать пролом.+

- Ты хочешь сказать, что я должен туда пойти? - он махнул рукой в сторону множества призрачных полузабытых монстров, каскадом рассыпавшихся по полю.

- Что? - Маджула обернулась на его вспышку, только в последний момент вспомнив, что нужно вскинуть руку, чтобы скрыть всю мощь своего оракула. Тем не менее, Ньял уловил след его силы, трепетание цвета и статики, которые гудели в его чувствах в течение нескольких секунд.

- Присутствие в моих мыслях говорит со мной, - сказал он ей. - Это останки смертного. Он предлагает мне самому отремонтировать поле Геллера.

- Это возможно, Повелитель Рун?

+Ваши проекторы не выровнены должным образом, что приводит к линии разлома. Это может быть повреждение внутри самой системы, направленный кристалл потерт или смещен от центра. Проблема даже с ядром решетки. Я не думаю, что у вас есть время, чтобы изучить все варианты. Но это не займет много времени, чтобы телекинетически изменить перекрытие и запечатать трещину.+

- Вы делали это раньше? - сказал Ньял.

Тишина в ответ.

- Ты видел, как это делается?

+Тысяча Сынов построили психическую сеть, которая охватывала время и измерения. Посмотрите на наши работы не из ревности и страха, а объективно, а затем спросите себя, считаете ли вы, что я прав.+

- Возможно, именно это ты и намеревался сделать с самого начала. Возможно, ты привёл сюда этих существ, чтобы освободить себя.

+Я мертв, метатель рун.+

- Следовательно, тебе нечего терять.

+Если ты умрешь, мой дух улетит в варп и будет поглощен этими монстрами. Если же я смогу вернуться в Портальный Лабиринт, я смогу воскресить свое тело. Я снова смогу жить!+

Ньял задумался. Все это могло быть ложью, но ужасно удобной, повторяемой снова и снова с тех пор, как Иззакар замкнулся в своих мыслях. Он не мог доверять колдуну, но он также не мог понять мотив, по которому псайкер Тысячи Сынов собирался бы убить его таким образом. Тайными были заговоры Магнуса и его невыразимого покровителя, но казалось очень расточительным приводить в действие такой сложный и легко срываемый заговор. Это было тем более маловероятно, учитывая, что Алому Королю была предоставлена возможность лично убить Стормкэллера.

- Вальгартр, пусть Арджак и его Волчья Стража встретят меня у Шестых Врат Пустоты.

- Ты выйдешь наружу, Вызыватель Бурь? Тон вожака стаи граничил с недоверием. - Сейчас?

Маджула снова сдвинула брови и посмотрела на Ньяла, услышав обмен репликами.

- Болты и силовые кулаки бесполезны против демонов в варпе, Повелитель Рун.

- Если они проникнут в поле Геллера, им придется создавать полусмертные формы. Это делает их уязвимыми для нашего оружия.

- Я тоже пойду, - решительно сказала навигатор.

- Нет, - ответил Ньял. - Если я потерплю неудачу, кто-то должен остаться, чтобы управлять кораблем.

- Если вы потерпите неудачу, как я буду управлять кораблем? Она указала на пенящуюся энергию бросающихся на корабль демонов, которая плескалась и билась о защитный купол. - Ваши воины не нуждаются во мне, чтобы активировать варп-двигатели. Мы не можем быть дальше, чем в нескольких

световых годах от Фенриса. Они могут отступить обратно в реальное пространство. Мой глаз может защитить тебя.

Он посмотрел в ее спокойные глаза и не увидел никаких признаков беспокойства. Она была воспитана как особенная среди целой касты одаренных. Уверенность и доверие излучались как тепло, каждой частичкой ее юного тела и души.

- Очень хорошо. Найди скафандр, и побыстрее.

Ньял оценил силу демонического шторма. Длинный Коготь постоянно дрожал, брыкаясь под давлением такой большой активности варпа. Более крупные существа скользили сквозь бурлящую массу – руководя, направляя и проверяя. Демоны начали методично исследовать защиту корабля, подчиняясь воле более могущественных членов своего пантеона. Могут пройти часы или секунды, прежде чем они обнаружат непересекающееся соединение в поле.

Нельзя было терять времени.

Шестые Врата Пустоты были также известны как Королевские Врата, в соответствии с фенрисиийской традицией для главного входа в поселение или укрепление. Они располагались в носовой части главной магистрали - пара запечатанных ворот десяти метров в высоту и двадцати в ширину. За ними лежало помещение, достаточно длинное, чтобы вместить боевой корабль, который подошел к ряду обшитых полевыми панцирями пустотных дверей в пасти тарана волчьей головы на носу Длинного Когтя. Его основное использование было для поставок провианта – быстрое ударное судно могло похвастаться только двумя боковыми пусковыми отсеками, каждый из которых был почти заполнен громадой боевого корабля "Громовой ястреб".

Арджак прибыл со своим отделением. Он взял с собой на задание шестерых своих братьев, оставив двоих в качестве почетного караула Логану Гримнару. Великий Волк протестовал, но Арджак настаивал, что он был прав, оставив их стоять на страже в отсутствие очага.

Все они носили полностью закрывающие терминаторские пластины, украшенные тотемами Космических Волков. Через канал передачи данных их сенсориума каждый был связан с другими, способный фокусироваться глазами своих братьев и ощущать, что происходит вокруг них. Когда Арджак повернулся лицом к своему отделению, он увидел себя таким же, как и они, в под-поле своего зрения.

Надфюзеляжный коридор был достаточно широк для полудюжины штурмовых кораблей Штормоволков и Штормоклыков, расположенных вдоль левого борта широкой магистрали, их короткие крылья почти соприкасались. Они выглядели неуместно, как выброшенное оружие, но с использованием специальных отсеков для полетов главный канал и соседние Королевские Врата были единственной другой частью корабля, достаточно большой, чтобы хранить и запускать их.

Когда Стормкаллер появился из двери транспортера в нескольких метрах по большому проходу, Арджак поднял свой молот в салюте. Сенсориум затрещал. Зрение на мгновение затуманилось, когда дух доспехов Рунного Жреца связался с духом отряда, посылая и получая приветствия от систем боевых доспехов.

- Выключите сенсориум, - сказал им Ньял. Он не замедлил шага, заставив отряд расступиться, чтобы пропустить его. - У нас есть потенциальная брешь в поле Геллера. Если один из вас примет порчу вирда, она распространится на другие системы, как раковая опухоль. Держитесь поближе друг к другу и перепроверяйте все, потому что ваше восприятие может быть искажено. Я сделаю все возможное, чтобы

оградить вас от внимания любого обитателя варпа, но мое внимание должно быть сосредоточено на поиске и устранении повреждений.

- Ты можешь это сделать, Повелитель Рун? - спросил Ингварр Громобой.

- Охраняйте мою спину и друг друга, это ваша единственная забота, - сказал Рунический Жрец, игнорируя вопрос.

Он подошел к панели управления и прижал бронированный большой палец к руне активации. С громким стоном двери отсека открылись, открыв пустую камеру внутри. В дальнем конце внешние двери были закрыты и заперты на тройные засовы, на поверхности портала мерцало энергетическое поле. Стены были облицованы аварийными пневматическими таранами и взрывными болтами, чтобы в случае вторжения можно было выбросить все пустотные ворота, запечатав внутренние двери.

Пикт-писцы смотрели на них сверху вниз своими красными линзами, жужжа, когда они следили за их продвижением по феррокритовому полу. Вокс затрещал с контрольной станции на командной палубе.

- Я вижу вас на экране. Не обнаружил никаких показаний за пределами главных дверей. Я запечатаваю внутренние двери по вашей команде.

- Подожди, - сказал Ньял, когда Арджак уже собирался отдать приказ. - Скоро придет еще один.

Легкая поступь по настилу за дверями привлекла их внимание. Миниатюрная фигурка в скафандре раба, немного великоватая для того, кто его носил, конечности скрючены, круглый шлем странно громоздок на тонких плечах. Внутри стеклянного купола было темнокожее лицо с серебряной лентой на лбу.

- Навигатор, - проворчал Берда Айронбрейк. - Мы должны защищать и ее тоже?

- Маджула, ты останешься у Королевских Ворот, пока я не позову тебя, - сказал Ньял, снова игнорируя Волчью Стражу. Арджак не был уверен, слышал ли вообще Стормкаллер. Он казался рассеянным, что беспокоило Рокфиста. Он не мог игнорировать возможность того, что это была уловка существа в голове Стормкаллера, чтобы вывести остальных за поле Геллера, где они будут ослаблены.

- Где брешь, Стормкаллер? - спросил вожак стаи.

- Где-то по правому борту, примерно на три четверти пути к полетной палубе.

- Тогда почему мы уходим отсюда? - спросил Йорн Высокий. - Почему не с летной палубы?

- Чтобы я мог увидеть брешь прежде, чем мы подойдем прямо к ней, - проворчал Ньял, даже не пытаясь скрыть свое раздражение. Рунный жрец повернулся к ним, и хотя он был в шлеме, его тон передавал его взгляд так же легко, как и глаза. - Кто-нибудь еще хочет допросить Повелителя Рун?

Их испуганное молчание было достаточным ответом.

- Закройте ворота, - Арджак подал сигнал на командную палубу.

С ревом сирены внутренние двери захлопнулись, оставив ворота залитыми рубиновым светом. Грохот вставших на место якорей замка потряс зал. Прозвучало еще одно предупреждение, два коротких гудка. Предупреждающие знаки на броне Арджака говорили о падении давления, когда воздух выкачивался из пустого зала. Потребовалось две минуты, чтобы помещение переключилось на полный вакуум, чтобы избежать взрывной декомпрессии, когда внешние двери были открыты.

- По вашей команде открываем внешние ворота, - раздался голос диспетчера.

- Поле Геллера будет действовать как слой между нами и голым варпом, но вблизи разрыва могут возникнуть психические и физические нарушения. Не смотрите прямо на брешь, даже с помощью ваших авточувств. Я могу защитить ваши мысли от вторжения, но я не могу помешать вам превратиться в бормочущих маньяков, если ты заглянете в глубины Иноморья.

- Принято, Стормкаллер, - сказал Арджак. Он посмотрел на своих спутников. - Да?

Они высказали свои утверждения, их дух был немного напуган предупреждением Рунического Жреца.

- Открой его, - сказал Арджак диспетчеру портала.

Световые полосы погасли, оставив только тепловой спектр их авточувств, почти черный в отсутствие проводящего воздуха. Лампы скафандров ответили мгновением позже, разрезая мрак бледно-желтыми кругами. Три гудка тревожной сирены возвестили о том, что главные ворота раздвинулись, открыв не звездное поле, а клубящуюся завесу красных и зеленых цветов примерно в тридцати метрах от проема.

- Следуйте за мной, - сказал Ньял, направляясь вдоль открытой бухты. - Подожди здесь, Маджула, - напомнил он навигатору, которая остановилась в нескольких метрах от внешних дверей.

Они все еще находились в поле искусственной гравитации корабля, когда вышли в пустоту, но оно было значительно уменьшено, как на спутнике или луне. Целеустремленной, раскачивающейся походкой они повернули вдоль борта корпуса, направляясь вслед за Рунным Жрецом.

Оглядевшись, Арджак увидел только фантазмагорическую границу поля Геллера, изменяющуюся, как масло на воде, тысячи цветов и ни одного, когда варп-пространство и реальность столкнулись. Он много раз сражался в пустоте, но это был его первый раз, когда он делал это в варп-пространстве. Эта мысль была тревожной. Несмотря на его подготовку, опыт и терминаторскую броню, если несчастный случай заставит его прорваться через поле Геллера, он будет потерян. Проклят на неопределенную смерть или, что еще хуже, в объятиях Иных.

Берда Айронбрейк двинулся вперед слева, его штурмовая пушка была выровнена, чтобы обеспечить мгновенный сильный огонь. Ульфар Рыжий и Йорн Высокий направили свои штурмовые болтеры вправо, охраняя противоположный фланг.

- Будьте начеку, - сказал Арджак остальным, сканируя медленными взмахами головы, держа боевое снаряжение на страже, когда он продвигался вместе со своими братьями. Слева от него волчьи когти Алрика Думсикера оставляли световой след. Свен Хафхельм шел вдоль борта с громовым молотом и штурмовым щитом - могучим оружием, которое казалось детской имитацией собственного Арджака. На суб-дисплее Рокфист увидел пустое пространство - канал от Ингварра, наблюдающего за тылом.

Движение наверху привлекло внимание всех, за долю секунды до того, как яркая желтая вспышка опалила их. Из шаровой молнии образовалась клыкастая пасть. Позади неё мерцали и порхали другие формы, похожие на акул хищники, у которых выросли зазубренные крылья и зазубренные хвосты, вытягивая физическую форму из кармана реальности.

Никакой команды не требовалось. Волчья гвардия открыла огонь как один, поток болтов и снарядов штурмовых пушек извергся навстречу материализующимся демонам. Арджак придвинулся ближе к Ньялу, Свен и Алрик держались рядом.

Огонь терминаторов превратил демонических зверей в изодранные в клочья ошметки. Капли демонической крови и куски сломанной змеиной плоти разлетелись по пустоте. Арджак изо всех сил старался не смотреть прямо в точку их происхождения, помня предупреждение Ньяла. Вместо этого он продолжал смотреть немного искоса, используя периферию своих авточувств, чтобы обнаружить входящие проявления.

Он увидел - или ему показалось, что он увидел - злобные лица, сложенные из звездной пыли и кружащихся пылинок. Руки с огненными пальцами вцепились в края разлома, когда демоны протолкнули свою сущность внутрь. Миазмы энергии сгустились перед наступающей Волчьей Гвардией, походя на странно цветущие грибы с клювастыми лицами.

Столкнувшись с огневой мощью терминаторов и вспышками молний от Стормкэллера, демоны изменили тактику, отступая в сторону, а не бросаясь прямо вперед. Подобно пламени, ползущему по потолку, прозрачная сила сущностей распространялась наружу, злоба просачивалась в мысли Арджака как зловоние.

Отдельные демоны сформировались из протекающего варп-вещества - существа с чахлыми телами и кривыми ногами. Их глаза с блестящими зрачками кружились, как туманности, когда они плыли вниз к Длинному Когтю среди мерцания болтов и щелчков психических взрывов. Все больше и больше падало из растущего психического грозового облака, падая все в большем количестве, их рты были открыты в безмолвных криках. Полые пальцы тянулись за синим огнем, а колючие хвосты хлестали туда-сюда.

- Разделите свой огонь. Отгесните их к центру, - скомандовал Арджак. Он не осмелился бросить свой молот, не уверенный, сработает ли технология его варп-ядра телепорта в пределах поля Геллера. Он бессильно смотрел на растущее сияние энергии Хаоса, Свен и Алрик были одинаково бессильны вмешаться против своих далеких врагов.

- Следуйте за мной, - сказал Ньял, поднимая посох. Его острие горело белым лезвием, похожим на косу, прыжок оттолкнул его от корпуса корабля. Напрягая настоящие и волокнистые мышцы, Арджак двинулся вслед за руническим жрецом с потрескивающим громовым молотом, Алрик и Свен следовали за ним. Подобно восходящим звездам, Стормкэллер и его спутники поднялись к массе демонической материи, кипящей в поле Геллера.

- Нам нужна ваша помощь, навигатор, - передал по воксу Ньял. - Я не могу сдерживать их, пока запечатаваю брешь.

Дрейфуя в приближающийся демонический поток, Арджак взмахнул своим молотом, чья увитая молниями голова разбила плоть демона, когда варп-огонь брызнул из его поднятого щита. У его плеча молот Свена нанес такой же урон, ломая только что выкованные кости, раскалывая искусственные тела с каждым ударом. Алрик прошел мимо, его волчьи когти прорезали нападавших насквозь.

Демоны сливались и преобразовывались, не совсем отдельные личности, расщепляясь и сворачиваясь по мере того, как их присутствие проявлялось в пузыре реальности. Щупальца с десятками цепких рук и цепких когтей вырвались из массы, сформированной многими разумными существами, но направляемыми общим намерением. Щупальца варпа хлестали вокруг Арджака и двух Волчьих Гвардейцев рядом с ним, искры каскадом сыпались из поднятых щитов и оружия.

Извивающаяся псевдоподия вонзила боевой крюк в нагрудник Алрика. Он провел по нему когтями взад и вперед, разрывая ленты духовного вещества на кусочки материализующейся плоти, но щупальце продолжало формироваться вокруг его ударов, таща его вверх, к брешу.

- Нет! - Арджак активировал выпускные отверстия своей брони, достаточно, чтобы отправить его вслед за пораженным Волчьим Гвардейцем. Всего в нескольких метрах от него Алрик продолжал сражаться, в то время как все больше и больше колючих отростков вонзались в него, пронзая наплечник и горжет, поножи и наручи, поворачивая его, как муху, пойманную в шелковом прядении гигантского отвратительного паука.

Еще больше щупалец вырвалось из пасти пролома, разворачивая тени, которые устремились к очагу.

Арджак отвел свой молот назад, готовый снова броситься вперед, чтобы противостоять спускающейся массе. Он внезапно остановился, что-то зацепилось за его лодыжку. Его траектория изменилась, и броня сигнализировала о чем-то вокруг его ноги. Повернувшись, он подумал, что освободит себя молотом, но вовремя остановил удар, увидев, что находится в руках Повелителя Рун.

-Ты тоже погибнешь, - огрызнулся Ньял, глаза его шлема сверкали золотой энергией, когда ветви варп-гнева бились и извивались на его броне, руны, вделанные в керамику, горели, как яркие угли. - Мне нужно, чтобы ты охранял меня, или мы все умрем.

Арджак подавил возражение и поднял глаза. В бесконечно клубящемся облаке желтых и синих искр он видел проблески Алрика, словно погружающегося в трясину. Его когти снова сверкнули в последней отчаянной попытке освободиться, а затем он исчез, втянутый в проклятую бездну Иноморья.

Рыча в знак неповиновения, Волчья Гвардия возобновила свои атаки, их огонь сосредоточился вокруг Ньяла и Арджака.

- Запечатый разлом, Стормкаллер! - крикнул Берда, стволы его штурмовой пушки пылали от нарастающего жара, гул ее огня смутно слышался по вокс-каналу. Рябь ракет пронеслась мимо из циклонной пусковой установки Красного Ульфара, их детонации превратились в сверкающие цветы белых дуг и искры от присутствия такой большой силы варпа.

Арджак увидел впереди, что комбинированный залп пробил брешь в варп-веществе, затопившем разлом.

- Я с тобой, Повелитель Рун, - сказал он Ньялу. - Сделай это сейчас.

Когда вокруг него вспыхнул огонь Волчьей гвардии, Ньял двинулся к трещине. В центре вихря энергетических разрядов и вспыхивающей энергии он расширил щит своего разума, чтобы сформировать корону сверкающего синего цвета, которая вонзилась в демонов, вливающих в карман реальности.

+Вы всегда всё пытаетесь делать с помощью грубой силы? Вы владеете своей силой, как топором, чтобы срубить дерево, в то время как вы должны создавать произведение искусства тонкими мазками резца.+

Ньял проигнорировал критику колдуна и взмахнул своим посохом-косой по блестящей дуге, которая рассекла ужасов с языками пламени и рассекла небесные искры, из которых брызнули горящие искры.

Но на каждое существо, поверженное в изгнание его ударами, другое роилось в промежутке. Вспышки болтов прорезали безобидные ручейки через их нематериальные тела, превратившись в вспышки молний, когда они прошли за пределы поля Геллера.

Демоны напирали, их присутствие расширяло брешь, позволяя все большему и большему числу их вида проникать в уменьшающийся карман реальности. Окруженный горячей аурой своего психического щита, Стормкаллер остановился, все продвижение замедлилось до остановки из-за сгущающегося варп-

вещества, которое сгустилось у барьера его мыслей.

+Думай о мече, а не о молоте! Прорубай себе дорогу, болван.+

Демоническая аура подавляла все мысли и разум, втискиваясь в чувства, как естественные, так и психические. Попытка использовать больше энергии варпа означало быть утопающим, набирающим полные легкие удушливого моря, ускоряя свою гибель, даже когда он пытался избежать ее.

Ньял был на грани того, чтобы приказать отступить на корабль. Он был в шаге от того, чтобы передать по воксу Вальгартру команду привести варп-двигатели в полную готовность для подготовки к аварийной высадке, как только Космические Волки вернутся на борт.

Он проглотил эти слова. Неудача на столь ранней стадии их экспедиции была немыслима. Это было наименьшее из препятствий, которые нужно было преодолеть, и жестокая гордость не позволила ему отдать приказ.

- Мы - Всадники Бури! - проревел он. - Это - наша легенда!

Ослепительный столб белого огня пронесся мимо, пронзая демонов, как лазерная пушка сквозь плоть. Ньялу не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, что прибыла Маджула. Вместе с лучом пришел гармоничный хор энергии, которая хлынула по его психическим чувствам: сила Астрономикона была перенаправлена.

Огонь ее третьего глаза метался во всех направлениях, превращая демонов в клочья рассеивающихся эмоций. Проплывая мимо в своем скафандре, молодая навигаторша казалась безмятежной, если бы не импульсы энергии варпа, исходящие от ее взгляда.

Ньял активировал выходы своей брони, даже когда почувствовал призыв Изакара в глубине своих мыслей.

+Сейчас же! Свяжите края пролома!+

Задача была далеко не простой, даже когда Маджула рядом с Ньялом разрывала на части любого демона, появлявшегося на краю поля Геллера. Слеза в реальности была истрепана, ускользя от ищущих пальцев его разума, когда он пытался поймать ее в ловушку.

+Сосредоточься, хранитель рун.+

Ньял отмахнулся от вмешательства колдуна и представил себя на вздымающейся палубе ярлшипа, парус которого раскалывается от ураганного ветра. Невероятно огромными руками он стянул холст вместе, сшивая разорванный материал толстым шнуром, вызванным его мыслями.

Визуализация сработала. Он ухватился за своенравный барьер и обрел некоторую меру контроля. С ловкой мыслью он манипулировал пульсирующей психической энергией, действуя вместо неисправных проекторов, чтобы перенаправить щит и собрать его вместе.

- Остановитесь по моей команде, навигатор, - сказал он Маджуле. - Мы не можем закрыть брешь, пока ваш третий глаз проходит сквозь завесу.

- По вашей команде, - пообещала она.

Ньял напряг свои мысли, словно напрягая мышцы. Граница между варпом и реальностью смягчалась,

угрожая превратиться в туман, который проскользнет сквозь его пальцы.

- Сейчас! - рявкнул он.

Луч огня погас, на мгновение оставив на своем месте ослепительную тьму. Ньялу не нужно было видеть, чтобы действовать. Он захлопнул края поля Геллера вместе, как двери сторожки, его мысли, как дуговая сварка, скрепили разбитые куски вместе.

- Готово, - объявил он, стиснув зубы от напряжения, с которым удерживал пузырь на месте.

- Хорошо, давайте выбираться из этого ада, - объявил Арджак.

- Пока нет, - ответил Ньял. - Альдакрел, ты меня слышишь?

- Слышу, Стормкэллер. Мы нашли сломанную катушку передачи. Техножрецы готовят замену.

- Как долго?

- Тридцать минут.

- Мы не должны оставаться здесь, Повелитель Рун, - настаивал Арджак.

- Я не могу уйти, - медленно ответил Ньял. - Я должен держать брешь закрытой, пока Альдакрел не закончит.

Молчание приветствовало это заявление, поскольку остальные поняли смысл этого, услышав напряжение, уже очевидное.

- Очень хорошо, мы останемся на твоей стороне, - сказал Рокфист.

- Я... Я должна вести корабль, - слабо сказала Маджула, ее лицо было скрыто отражающей пластиной шлема. После ее настойчивого желания приехать, ее рассуждения звучали как оправдание, но это не делало их менее правдивыми.

- Не теряйте времени. Если мои силы иссякнут, если я потерплю неудачу, немедленно прыгните обратно в реальное пространство. Не ждите меня.

- Не буду, - заверила его навигатор.

Она проплыла мимо и скрылась из виду. Ньял уставился на воображаемый шов, скрепленный его мыслями. За невидимой завесой начала собираться энергия Хаоса. Хотя Волчья Стража ждала за его спиной, Стормкэллер чувствовал себя одиноким, глядя на бесформенную энергию.

+Видишь? Под моим руководством ты можешь достичь всего.+

К сожалению, не совсем одиноким.

Источник —

[https://wiki.warfrog.wtf/index.php?title=Пепел_Просперо/_Ashes_of_Prospero_\(роман\)&oldid=18152](https://wiki.warfrog.wtf/index.php?title=Пепел_Просперо/_Ashes_of_Prospero_(роман)&oldid=18152)

Эта страница в последний раз была отредактирована 4 декабря 2021 в 22:08.